Метро 2033: Смерть октановых богов

Автор:
Юрий Харитонов

Метро 2033: Смерть октановых богов

Юрий Владимирович Харитонов

МетроВселенная «Метро 2033»Эра безумия #3

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную Метро 2033, серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! После гибели отца тринадцатилетние Вит и Вовк Соколовы остаются одни. Вит бы охотно расстался с Вовком, но чувствует, что их связывает какая-то ужасная тайна. А тот отправляет его на поиски еще какого-то пропавшего братика – прямиком к зловещим нефтяникам в Ярославль. Туда же держит путь из бывшего «Приюта забытых душ» Софья (Сова) Макаренко, чтобы отомстить за смерть отца. Но их ожидает хитрый и коварный противник, у которого на них свои виды. Что могут девушка и двое мальчишек противопоставить взрослому, искореженному жизнью мужчине, хладнокровному и жестокому? И все же они собираются сражаться до последнего.

Юрий Харитонов

Метро 2033: Смерть октановых богов

© Д. А. Глуховский, 2017

© Ю. В. Харитонов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Объяснительная записка Анны Калинкиной

Кому придется тяжелее всего в постъядерном мире, где будет признаваться лишь право сильного, где будут действовать волчьи законы – либо ты меня, либо я тебя? Конечно же, самым слабым. Ясно, что в первую очередь – женщинам и детям. Слишком велико искушение использовать их в своих целях у любого, кто привык силой принуждать к повиновению. Безумный ученый, не сдерживаемый никакими моральными рамками, получит возможность ставить на слабых бесчеловечные эксперименты. Школьный учитель с неустойчивой психикой, которого в прежней жизни изводили непоседливые ученики, сможет безнаказанно вымещать свою ярость на других, ни в чем не повинных подростках. Ведь дети вряд ли сумеют постоять за себя, если рядом не будет взрослых, способных защитить.

Человек с извращенной психикой, вооруженный автоматом и вседозволенностью, сможет без особых препятствий делать с детьми что угодно – выкрадывать, изолировать, бить, мучить, да хоть бы и убивать. Или угрозами и принуждением воспитывать убийц из них самих и продавать тому, кто в состоянии заплатить, у кого есть нужда в солдатах. Да мало ли что еще можно сделать с детьми, за которых некому заступиться?

Они подчас наивны и доверчивы, их можно подманить обещаниями, ярким воздушным шариком. Но порой они бывают на удивление мудрыми. И бесконечно морочить им головы нельзя. Если им не на кого больше надеяться, они будут искать помощи друг у друга, они объединятся против жестокого мира старших. Ведь даже лучшие из взрослых порой из самых добрых побуждений пытаются думать за них, указывать, как им жить, и принимают решения, которые ребенок

выполнить не может или не желает. У детей своя логика – они более искренние, более открытые. Они остро чувствуют фальшь и несправедливость. В новом мире взрослые, для их же блага, приучают детей жить по волчьим законам, воспитывают в них злобу и жестокость, порицают проявления жалости. Постъядерные дети не знают и тысячной доли того, что знали подростки старого мира, зато они с ранних лет заучивают Список Смерти, чтобы уцелеть, чтобы различать опасности и уметь остерегаться. И хотя слова их грубы и они с малых лет привыкают обращаться с оружием, они все же остаются детьми. Радуются примитивным игрушкам, верят в глубине души в чудо. Да, они требуют заботы, бывают порой невыносимы, но без них мир стал бы куда более серым. Да что там – у мира без детей не было бы будущего.

Обо всем этом – книги Юрия Харитонова. И еще о том, что ребенок продолжает жить во многих из нас, даже когда мы становимся взрослыми.

Берегите детей!

Пролог

– Хотите устроить ад на Земле? Да легко. Достаточно священникам сделать официальное заявление – мол, Бога нет, а мы вам все время врали. И что тогда? Атеисты пожмут плечами: «Мы вам говорили!» И станут жить прежней жизнью, потому что добродетели заложены в их воспитании. А верующие? Все те, кого сдерживала религия и ее заповеди? Что они будут делать? Хорошо, если не поверят, а если поверят? Что будут делать люди, которые боялись кары и не совершали многих поступков лишь потому, что Бог так сказал? А Бога нет… а мир такой жестокий… И нет заповедей… И вроде как «не убий» теперь ничего не значит. Все семь смертных грехов в одночасье прекращают быть смертными и вообще прекращают быть грехами. И теперь вы – без Бога, без религии и без веры, и руки ваши развязаны. Что вы будете делать? Что будет делать мир?..

Наверное, пусть лучше религия будет. Пусть лучше молятся, свечи ставят, службы служат, пусть лучше будут этим заняты, чем бездействовать и думы разные думать. Ведь думать вредно, особенно таким людям, которые на веру принимают любую сказку. Пусть лучше боятся божьей кары. А то кто его знает, скольких сдерживала одна лишь вера, если уж и с ней многие способны на

страшное…

Почему-то меня страшит картина мира без религии. Чем будут заниматься все эти люди? Кому молиться? Кого проклинать? У кого просить прощения? К кому обращаться за советом? Это ж сколько страхов появится, сколько эмоций выплеснется, сколько злости высвободится. Пусть уж религия будет, пусть пеленает людей заветами, пусть успокаивает и пусть пугает казнями смертными. Лучше так, чем разнузданные нравы и вседозволенность при отсутствии каких-либо моральных ценностей.

– Вы так думаете? – спросил священник.

– Я так думал, – пожал плечами Константин. Похоже, он совсем не обратил внимания на то, какое злое выражение приняло лицо отца Иоанна. – Лет восемнадцать назад так думал. А теперь… Лучше бы вымели всех этих фанатиков веником, да в какую-нибудь канаву, а потом хворосту подбросили и подожгли! Все войны из-за религии или с ее одобрения! Я видел, как батюшка захлопнул перед человеком дверь храма, когда за мужчиной бежали рейдеры! Я видел, как якобы святой отец кричит тонущей девочке, еле-еле, из последних сил держащейся за ветку, что на все воля божья! Мол: умирай, Бог ждет тебя, дитя! Это все вместо того, чтобы помочь! Я видел, как батюшка науськивает прихожан, последних измочаленных войной жалких людишек, сжечь ни в чем не повинного человека! Я много по России путешествовал, я много подобного видел! И лишь раз святой отец заступился за обездоленного – и лишился жизни. Один, представь себе, раз! Видимо, анархия и хаос легко срывают маски с подобного рода шарлатанов…

– Заткнись! – взревел отец Иоанн. – Замолчи, ирод! Твои змеиные уста несут больше яда, чем все земли вокруг, вместе взятые! Иуда! Еретик!..

– Колдун, забыли! – добавил Константин и оглядел собравшихся вокруг. Их лица соответствовали настроению отца Иоанна. – Ну вот, теперь, наверное, вы меня будете убивать. Ну… не знаю… вешать там, или… сжигать, или… топить!

Мужчина поднялся. В руках у него уже удобно устроились два пистолета-автомата, которые он, должно быть, достал во время разговора из-под плаща со спины. Отцы застыли, а Константин ухмыльнулся и нажал на спусковые крючки. И церковь окропилась кровью вновь…

Глава 1. Отроди

Июль 2033 г.

Тесный концертный зал Рыбинского дома культуры освещала луна. И в этом не было ничего удивительного. Не использовалась ни магия, ни сложная система зеркал, даже давно погасшие прожекторы не имитировали свет естественного спутника Земли. Все было проще. Мягкий свет луны проникал в зал самостоятельно через огромную дыру в крыше, освещая уютный бардак, царивший в заброшенном двадцать лет назад помещении.

Любой посторонний человек удивился бы открывшейся картине: сломанные стулья и ошметки потолка с крышей необъяснимым образом отдрейфовали к стенам, оставив по центру свободное от мусора пространство. Только небольшой клочок деревянного пола три на три метра не покрывали растения, буйно разросшиеся ближе к стенам. Там толстые ветви лиан свисали с потолка и медленно и расслабленно раскачивались в такт легкому дуновению ветра, проникавшего в помещение через дыру в крыше.

В центре освещенного луной пятачка некто свалил в кучу растения, чьи белые корни торчали в разные стороны и источали необычный, терпкий аромат.

Над странным местом стояла гробовая тишина, словно оно приготовилось к чему-то, что должно произойти здесь и сейчас и что лучше переждать… Поэтому скрип давно не смазываемых ржавых петель входной двери мог показаться громом. Но лианы все так же вяло раскачивались на сквозняке.

Внимательные светочувствительные глаза вошедшего зверя, на секунду вспыхнув желтым, обшарили помещение и удовлетворенно остановились на куче травы. Потом существо повело носом и довольно замурлыкало – достаточно громко, чтобы его услышали сородичи, притаившиеся рядом. И, мягко ставя широкие лапы, медленно и тихо пошло к центру зала, иногда останавливаясь и замирая в одном положении, пытаясь распознать необычные и недружественные звуки. Следом вошли еще два существа поменьше. Детеныши.

Взрослая кошка осторожничала. Она все чаще, несмотря на пленительный запах валерианы, останавливалась и всматривалась в темные углы, частично завешенные толстыми и спутанными лианами. То ли ей чудилось, то ли ночное зрение и впрямь различало две еле заметные фигуры, неподвижно зависшие на лианах под потолком. Время тянулось медленно и осторожно, словно большая кошка своей недоверчивостью его приостановила. Котята, чувствуя нервозность матери, присели у входа и наблюдали за ней, ожидая сигнала. Либо предупредительного, после которого нужно быстро уносить лапы в любом направлении, либо одобрительного, разрешающего приблизиться к цели и распробовать ее на вкус. Несмотря на возможные опасности, угощение обещало быть восхитительным. Валериана, как и раньше, до войны, всегда ценилась среди котов любой масти.

Вот и сейчас дурманящий запах растений окончательно свел кошку с ума, и она, презрев опасность, довольно и одобрительно замурлыкала, призвав котят, и пошла к кучке травы. Около нее кошка грациозно легла на живот, опустила голову вплотную к кореньям и шумно втянула терпкий воздух. Длинный хвост ритмично задергался от удовольствия, она сначала лизнула корень, а потом и вовсе стала его жевать. Котята, потеряв всякий страх, мягкими прыжками присоединились к матери.

Через несколько долгих минут дверь скрипнула, закрываясь, но ошалелые кошки лишь раз повернулись проверить, а потом вновь погрузились в наркотический аромат валерианы.

Тем временем кто-то медленно и плотно закрыл дверь и подпер ее металлической арматурой, чтобы с той стороны не ворвался кто-нибудь неучтенный и нежданный. Кошки беззаботно катались по полу в центре зала, совершенно не подозревая, что над ними нависла смерть. И некто невидимый, зацепившись за лианы, нацеливал тяжелый металлический прут на безмятежных животных.

Кошка-мать не успела понять, что случилось, когда сверху упала заостренная арматура и пробила ей основание черепа и горло, пригвоздив к полу. Котята испуганно и ошалело отпрыгнули в стороны. Они заметались по освещенному луной кругу, высматривая в темных углах смерть. Но во тьме казалось, что она притаилась всюду. Такой же металлический прут снова прилетел сверху, и лапа одного котенка тоже оказалась пригвожденной к деревянному полу. Он заверещал от боли и стал вырываться, арматура задергалась, но выдержала.

Второй котенок метался рядом, не зная, чем помочь.

– Черт! – неожиданно раздался под потолком чей-то голос, и сверху кто-то свалился.

Сначала, никого не задев, плашмя упала арматура, следом рухнул человек, вернее, ребенок, так как он явно был меньше обычного мужчины.

– Вовк! Осторожно! – раздался из-под потолка второй голос, но мальчишка уже резво вскочил на ноги с прутом в руках и вовремя ткнул его в грудь напавшего котенка. Тот взвыл от боли и отступил.

– Вит! Помоги! – сдавлено крикнул оказавшийся на полу Вовк, стараясь прутом держать разъяренного котенка на расстоянии.

– Вот немощный! – донеслось из темноты. – Ничего с первого раза сделать не может! Отродь!

Затем в свете луны металлом сверкнула арматура, и череп нападающего котенка оказался прибитым к полу. Остался один – прикованный прутом к старым, трясущимся от любой вибрации доскам. Он от ярости и боли метался вокруг арматуры и свободной лапой бил все, до чего доставал. Мало ли кого зацепит!

– Этот твой, Вовк! – донеслось из-под потолка.

– Но… он… – пытался откреститься Вовк, но голос из темноты добавил:

– Давай-давай! Этот мелкий. Дитенок совсем! Дубинка тяжелая, справишься!

Делать нечего. Мальчишка отбросил арматуру в сторону. Она легко звякнула по доскам. Мальчик выпрямился, его нагое тело, обмазанное сажей и жиром, еле заметно, тускло поблескивало в лунном свете. Он постоял, достал откуда-то из темноты биту, подточенную и обструганную для подростка и нашпигованную гвоздями «двухсоткой», и, замахнувшись, нанес удар. Котенок, несмотря на прибитую к полу лапу, увернулся и резко ответил. Когти скользнули по телу мальчика, оставляя на плече глубокие и длинные раны. Тот вскрикнул, но вновь

размахнулся и нанес очередной удар. Кот опять увернулся и ответил. И опять Вовк закричал от боли.

– Вит, помоги ему! – раздался от двери густой бас. И как только кот присел для очередной атаки, ему в голову прилетела арматура Вита. Зверь затих, лишь оскаленные зубы слабо отсвечивали в лунном свете. В тот же миг вздрогнули лианы, и сверху спустился еще один мальчишка. Он подошел к Вовку и ткнул кулаком в раненое плечо. Тот вскрикнул и отстранился.

– Ты чего?! – обиженно крикнул он.

– А не фиг быть бабой! – огрызнулся Вит. – Эти котята тебя слопали бы! Отродь!

– Сам отродь! – парировал Вовк, держась за плечо.

– Хватит! – грозно крикнул отец и не торопясь вышел под свет луны. – Вам по тринадцать лет, а все как дикие! Как неандертальцы! Даже котят не можете убить! Срам!

– Но Па! Это не я, это Вовк… – хотел было возразить Вит, но отец перебил.

– Вы человеки разумные! Так?

– Так, – согласился Вит.

– Вот! А погибли бы сейчас! Сначала он, – отец указал на Вовка, – а потом ты! – Он ткнул в Вита. – А почему? В чем ошибка?

– Э… э… – Вит хотел выдавить из себя приемлемое объяснение, но отец вновь перебил.

– Ваша мать рожала вас, мучилась не для того, чтобы дать жизнь двум идиотам! Не для того она отдала свою жизнь! Ясно?

– Да, отец! – пробубнил Вит. Вовк кивнул.

– Вот! Перестанете думать, скоро окажетесь кормом! Вовк, ты слишком перемазался жиром, поэтому и не удержался на лианах. Ясно? А ты, Вит, должен помогать брату! Поддержать его! Умрет он, и ты долго не протянешь! Понятно?

– Но он же как недоразвитая обезьяна! – возмутился Вит. – Вечно спотыкается, падает, поскальзывается, промазывает… Он вообще какой-то рассеянный, слабоумный, что ли…

– Ты меня слышал? – сурово переспросил отец, и Виту ничего не оставалось, как кивнуть. – Теперь помоги ему заштопать рану и одеться, скоро станет совсем холодно. Я пока обдеру кошек.

– Да, отец.

Пока Вит промывал и перевязывал Вовку раны, а отец сдирал шкуры с мертвых животных, на небосклоне сместилась луна, и освещенное ею пятно переползло на стену. Все были так заняты, что не обратили внимания на появившуюся на ней тень. Она медленно повертела головой, оценила ситуацию и…

Кот спрыгнул сверху вместе с лунным светом сквозь дыру в крыше. Конечно, он выбрал самого большого и опасного, рассчитывая расправиться сначала с ним. Когти вцепились в спину человека, острые клыки попытались сомкнуться на шее сзади. Отец только и успел упасть на спину, чтобы своим весом придавить кота и стеснить его движения. Вит и Вовк подскочили, когда услышали сдавленный хрип мужчины.

– Отец!

– Па!

Они сжали в руках начиненные гвоздями дубинки и с яростью маленьких берсеркеров набросились на кошака, благо отец вновь перевернулся, подставляя кота под удары детей. В шуме возни отчетливо хрустнул череп. Мальчишки остановились и бросились к отцу. Он еще дышал и хрипло заговорил:

– Вы это… молодцы! Главное, держитесь друг друга! В обиду не давайте! Охоте я вас научил, рыбалке тоже! Это… Не пропадете! Еще… это… А! На днях видел

Красный Фургон, людей плохих… Помните правила! Не приближайтесь! Если что, бегите! Бросайте дом и бегите! Разъезжают из года в год и детей собирают! Вит! Это… Следи за братом! Не давай в обиду! И помните Список, который я каждый день вам на ночь читаю… Понятно? И Красный Фургон…

– Отец…

– Понятно?! – повысил он голос и закашлялся.

– Да!

– Любите друг друга! Вы – братья…

Так Соколовы потеряли отца. И чуть не пополнили собой Список Смерти, который он зачитывал им на ночь всегда, словно мантры.

«Время в пепел превратилось и развеялось по воздуху. Его нет, прошлое и будущее все одно: смерть. Великий Хаос родился двадцать лет назад и навсегда изменил привычный мир. Теперь надо быть начеку. Каждый день, каждый час, каждую минуту, да что там… Каждую секунду! Опасаться следует всего!

Семья Садчиковых умерла от пыли. На пепелище полезли, наглотались пыли, покрылись гнойными язвами и умерли. Что это значит?

– Меньше дышать пылью!

Аникины пали от рака. Всей семьей ходили к Кратеру Смерти. Это что значит?

– Не приближаться к Кратерам Смерти!

Воровские утонули в Рыбе, когда тронулся лед, льдину с ними отбило и унесло в водохранилище. Что значит?

– Весной не ходить по тонкому льду!

Федуловы сгинули при охоте на крылатого ящера. Это что значит?

– Не охотиться на крылатого ящера меньше, чем тремя семьями!

Соломины умерли от голода. Что значит?

– Не брезговать мясом отроди!

Фроловы замерзли, что значит?

– Использовать шкуры отродей!

Козловы были замучены нефтяниками из Ярославля, а их детей увезли на Красном Фургоне. Что значит?

– Быть осторожными с людьми, не ходить в Ярославль и не приближаться к Красному Фургону!..

…

Эти правила нужно всегда помнить и неукоснительно соблюдать! Помнить и соблюдать! Помнить и соблюдать!»

И много-много других подобных правил заставил выучить отец. Благодаря этому Виталик с Вовкой Соколовы и пережили тринадцать лет, в отличие от других семей кочевников и рыбаков Рыбинска и Ярославской области, которые из-за своего неосмотрительного поведения кровью погибших создавали этот отцовский список. Раз в год кочующие по пустошам области семьи собирались возле Рыбинска и обменивались информацией, добычей и «молодой кровью» – повзрослевшими молодыми людьми, что позволяло уменьшить вражду между группами и количество родственных браков. Кочевники жили охотой, собирательством и торговлей излишками. А рыбаки – промыслом на водохранилище и Волге.

Девятнадцать лет после войны все было хорошо, и кочевой образ жизни приносил плоды: семьи не только процветали, но и численность каждой из них росла. Если возникала на горизонте опасность, семьи объединялись и давали отпор, как, например, рейдерам-нефтяникам из Ярославля, которые теперь редко захаживали в земли кочевников, и то лишь для того, чтобы пополнить

запасы диковинных шкур и крепкой кожаной одежды.

Со слов отца, в семье Соколовых матери не было с самого начала, с момента рождения близнецов. Отец Виктор после смерти жены не стал искать ей замену, хотя мальчики, возможно, и испытывали необходимость в женской ласке и отдыхе от бесконечных правил и уроков. Но Виктор так не считал. «Чем черствей душа и тело, – говорил он обычно на собраниях кочевников, – тем дольше жизнь!»

В общем, так и жили: мальчишкам по совместительству с уроками выживания приходилось заниматься и бытовыми делами в походном фургоне – уборкой, готовкой еды, стиркой. Было трудно, но они не жаловались – понимали, как тяжко отцу. Дети видели, как глубоко он вздыхает на общих собраниях и подолгу исподволь пялится на чужих жен. Но от предложений других семей Виктор всегда отказывался. «Мачеха вам не нужна, – потом говорил он мальчишкам и трепал по голове, – ни к чему это, поверьте».

И Вовк с Витом верили самозабвенно, стараясь порадовать отца своими успехами в изучении правил и навыков охоты. Он учил их быть незаметными и стремительными, делать ловушки и запоминать повадки зверей, оттого дети и выжили. Оттого и считалась их семья одной из самых удачных и способных, если бы не последняя охота. Но она должна быть впрок, как говорил Виктор. Он не питал пустых надежд и знал, что когда-нибудь погибнет, поэтому запретил детям плакать и раскисать в этом случае. Запретил даже хоронить его! «Забрать шкуры, мясо и уйти, оставив его как отвлекающую хищников приманку…»

Мальчики молча закончили работу отца: освежевали кошачьи туши, расфасовали по небольшим кожаным сумкам мясо. Днем в фургоне они нарежут мясо на тонкие полосы и завялят, а то пропадет. Потом раздели отца – сам завещал: ничто не должно пропадать, особенно одежда! Закончив, они постояли рядом, глядя на открытые, уставившиеся в дыру в крыше глаза, застывшие губы и белеющее тело, покрытое шрамами – следами множества охот и сражений не на жизнь, а на смерть. Мощное, мускулистое тело отца, защищавшего мальчиков до этого скорбного момента.

Молчали долго. Оба понимали, что теперь никто не поможет, если забудут правила и нарушат любой пункт из Списка Смерти. И что теперь самим придется выкручиваться из любых ситуаций и дополнять, если не сдохнут, этот Список.

– Черт! – прошептал, наконец, Вовк.

– Нет его, – буркнул Вит.

Вновь помолчали. Шум просыпающегося, населенного далеко не людьми города проникал в ДК с первыми лучами солнца и напоминал, что надо уходить. Вовк поднял руку, словно собираясь запустить пятерню в шевелюру. Будто собираясь заплакать…

– Не надо. – На его здоровое плечо легла рука Вита. – Он не хотел. Мне и тебе по тринадцать! Еще год или два, и мы станем взрослыми. Сможем присоединиться к другим семьям. Я бы не против к Смирновым. У них классная Ю подрастает! Разбежимся, и все наладится! А он… Он забудется, как и Ма…

– Заткнись! – прошептал Вовк, и плечи мальчика часто-часто затряслись, где-то в груди перестало хватать воздуха, а в горле предательски забулькало. – Ненавижу!

– Ненавижу! – передразнил брат и толкнул Вовка. Тот не устоял на ногах и плюхнулся на коленки рядом с мертвым отцом, но не сделал и попытки подняться, а продолжал изливать горе.

– Баба! Отродь! – почти зло бросил ему в спину Вит. – Из-за тебя нас никто в семью не возьмет! Никогда! На фиг бабе вторая баба нужна?

– Отстань! – крикнул Вовк, отмахнувшись. – Ты его просто не любил! И Ма не любил!

– Ма, которой никогда не было?

– Которой мы просто не помним!

– И как это поможет жить? – Вит развел руки в стороны. – Как эта твоя любовь к мертвым поможет нам остаться в живых? А?

– Не знаю! – вновь в сердцах крикнул Вовк, потянулся и прикрыл отцу веки. – Но поможет!

– Отлично! – сгоряча бросил Вит. – С этого дня вы со своей любовью идете своим путем! На все четыре стороны света! Понял?

– А вот и пойду! – Вовк решительно поднялся и повернулся к брату. – Пойду! Ты задрал командовать! Задрал обзываться! Задрал меня всего! – кричал он сквозь текущие по лицу слезы и тыкал одной рукой Виту в грудь, вторая из-за ран не поднималась. – Без тебя будет легче!

– Клево! – вновь рявкнул Вит. – Сейчас тащимся до фургона, доезжаем до любой семьи и там делимся! Нафиг мне такой нюнька на шее?

– Поскорее бы! – парировал Вовк.

– Тогда идем?

И они собрали добычу и медленно вышли из ДК на площадь. Все-таки кошки были крупными, и ободранное с них мясо и шкуры весили немало. Придется сходить несколько раз, чтобы оттащить всю добычу в фургон, который «припарковали» в соседнем дворе, среди четырех длинных пятиэтажек.

Во время Катастрофы на Рыбинск выпало достаточное количество радиоактивных осадков, чтобы все здравомыслящие люди покинули город. Но за двадцать лет пыль вымылась дождями и снегами, поэтому особо опасными остались только места с большим скоплением металлических конструкций. Дороги с множеством ржавых остовов автомобилей и большие машиностроительные заводы с их металлическими фермами, станками, станами и сборочными линиями. Также зоной повышенной опасности считались шлюзы из Рыбинского водохранилища в Волгу, сама ГЭС и различного рода суда, огромными ржавыми рыбинами уткнувшиеся в берег. В водохранилище и Волге радиоактивная вода осела вместе с пылью или была снесена течением в низовья реки, то есть куда-то в Каспийское море, если судить по старым картам. Рыбаки воспользовались естественным очищением пресноводного водоема и вернулись, начав промысел рыбы, с каждым годом становившейся все чудней и страшнее на вид. Кочевники же в отличие от речных собратьев не спешили вернуться в Рыбинск. Развалины заводов и фабрик, доков и мертвых кораблей наводнила разного рода городская живность – собаки, кошки, вороны, крысы, естественно, достаточно изменившиеся за двадцать лет жизни в отравленном всяческим ядом мире. Так что кочевые семьи посещали Рыбинск в основном для охоты и обмена с

рыбаками. Их двухметровые караси и метровые трехглазые окуни являлись для кочевников деликатесом.

Братья молча пересекли площадь в направлении пятиэтажек, за которыми оставили фургон. Они оба все еще не могли простить друг другу слишком резких слов, сказанных в пылу ссоры. Конечно, расходиться мальчики не собирались, гнев есть гнев, его просто так не выпустишь в лицевые противопылевые платки, а глаза не перестанут зло сверкать из-под бейсболки, защищающей от опасных солнечных лучей. Нет, обиду просто не скинешь, ведь тебе тринадцать, и твоя кровь бурлит, адреналин бушует, а тестостерон расслабиться не даст!

От ярости Вовк даже не заметил, как схватил в больную руку двойную порцию мяса. Теперь же пораженная когтями котенка рука просто отказывала. До фургона добычу не донести. Нет. Не донести… Парень почувствовал, как из зашитых ран по рукаву струится кровь. В висках стучало, а в глазах темнело. Но он не сдастся! Нет! Только не перед Витом! Нет, нет, нет!

Едва мальчики вынырнули из-за пятиэтажки, чтобы подойти к своему фургону, Вит застыл как вкопанный, уронив сумку с мясом и рукой преградив путь Вовку. Он не верил своим глазам. Всегда казалось, что этого с их семьей не случится, что Список Смерти пишут уже по готовому, что… Но вот он – Красный Фургон – рядом с их домом. С фургоном, в котором они с Вовком живут и кочуют. И какие-то люди уже заинтересованно обходят их дом, тыкают автоматами в безобидную, но устрашающую видом корову, способную лишь на отпугивающий любых тварей сатанинский рев. Она ведь даже молока не дает, просто тянет изо дня в день кунг от армейского автомобиля…

– Эй! Стоять! – кто-то заметил ребят, закричал, размахивая руками, кто-то из чужаков начал поднимать автомат. Вот это поворот! Надо убегать, как учил отец! Только так, как учил отец! И не иначе!

– Бежим! – крикнул Вит. – Врассыпную!

Мальчик тут же сбросил все незакрепленные мешки на землю, что закреплено – сбросил во время бега, причем спиной чувствовал, что кто-то бежит следом. Не догоняет, но и не отстает. Только бы не Вовк! Бежать вместе – лишь повышать шансы чужаков на их поимку.

Но все же Вит не успел. Кто-то схватил его за ворот и сильно дернул, отчего мальчика бросило назад, в крепкие руки преследователя. Вот только Вит не боялся его, не страшился и боли, как презирал и оружие. Если сразу не стали стрелять, то уже и не будут. Значит, главная задача врага – поймать. Но не на тех напали! Сколько раз они с отцом убегали от рейдеров на шипованных машинах из Ярославля, сколько раз втроем охотились на зверей впятеро опасней кошек и сколько раз обламывали нечестных обменщиков, посягнувших на фургон и содержимое семьи Соколовых! Вот и сейчас Вит уже знал, что делать. Он со всей силы ткнул рукояткой дубины назад.

– Ах ты, сука! – раздалось над ухом. Незнакомец содрогнулся от резкой боли в солнечном сплетении, но кулак не разжал. Тогда Вит дернул секретную веревку на кожанке из волка, соединявшую пуговки, и они разом отлетели. Мальчики не успели стереть жир с тела и надевали одежду поверх, поэтому куртка легко соскользнула и осталась в руках удивленного преследователя, а Вит в это время удобней перехватил дубину и шарахнул ею по лицу незнакомца, вернее, по черной маске с длинным носом, скрывающей лицо.

– Ах ты, тварь! – взвыл от боли враг и завалился на землю, прижимая ладонь в черных перчатках к ранам на лице. Вит зло сплюнул и вдруг ощутил сильную и внезапную головную боль. Мальчик чуть не упал на коленки, но неожиданно в поле зрения попал Вовк. Бесчувственного брата двое незнакомцев несли в Красный Фургон! На нем белыми буквами значилась непонятная надпись: «The Coca-Cola company».

– Да какого фига?! Вот же баба! Отродь! – досадливо простонал Вит и, развернувшись, побежал в ближайший подъезд. Место раненого бандита заняли двое других, и они ничуть не уступали мальчику в скорости. Топот доносился не ниже одного пролета от бегущего Вита.

Поднявшись на четвертый этаж, мальчик мельком взглянул на открывшийся глазам люк на крышу. Заперто! На больших блестящих ушках висел огромный черный замок. Возможно, при наличии времени и острого инструмента Вит открыл бы его, но только не сейчас, когда на хвосте двое неизвестных с автоматами. Да и смысла подниматься на пятый этаж теперь тоже не было. Вся надежда на балконы. Еще в первые годы после войны люди перекидывали между балконами соседних подъездов доски. Видимо, чтобы не спускаться и не касаться радиоактивной земли. Каждому времени свойственны свои суеверия. Наверное, люди после войны верили, что так защищаются от радиации. Только

бы доски не сгнили!

Вит забежал в первую попавшуюся квартиру. Одного взгляда хватило, чтобы понять, в какой из комнат находится балкон. В грязном помещении на полу отчетливо виднелись следы. Парень рванул туда и чуть не свалился, вовремя убрав руки с железных перил. Они заскрипели, отвалились и с металлическим лязгом упали вниз, в заросли кустарника. Тем не менее Вит вздохнул с облегчением. Доски лежали на месте, перекинутые на соседний балкон. Там мальчик выбежит в другой подъезд, где взберется на крышу, если, конечно, какой-нибудь идиот опять не оставил замок на люке.

На балконе Вит на секунду задержался, перевел дух, быстро просканировав глазами открывшийся вид. Гаражи, одинокие дома, Волга, а под Волгу уходит черная дыра. Мальчик поежился. Сразу же нахлынули неясные детские воспоминания. Ужас и боль, смерть и мучения, связанные с темным, беспросветным туннелем. И откуда только взялись? Ведь Вит на самом деле не помнил ничего такого…

– Эй, парень! Не прыгай только! – донеслось сзади, и Вит засеменил по шатким доскам. Прохладный летний ветерок обдувал обнаженный торс и все норовил скинуть легкого мальчишку вниз с четвертого этажа, но дубинка в руках служила подобием балансира. Вит быстро перебежал на соседний балкон и юркнул в комнату, успев услышать:

– Твою налево! Я из него фарш сделаю! – Видимо, неожиданное препятствие в виде хлипких досок расстроило преследователя.

– Черномор не даст! – второй голос.

– А ну, цыц! Давай за ним!

– Эй! С ума сошел?..

– Давай-давай! А то Черномор тобой займется! А я пока выйду и пойду, как нормальный человек. По улице!

– Э-э-э… – И уныло заскрипели доски, но Вит уже не вслушивался. Он выскочил на лестничную площадку и выбежал на черную, битумную, плоскую крышу, благо люк был открыт. То тут, то там торчали ржавые трубы и кирпичные вытяжки. Здесь мальчик позволил себе разогнаться и через несколько секунд был у противоположного торца дома. Позади вылез мужик и заорал:

– Эй, пацан! Не прыгай!

Но Вит, конечно, не послушался. Он прыгнул, не останавливаясь, с разбега и… повис на проводах. Раньше с дома на дом в обязательном порядке перекидывали множество проводов, и чем быстрее прогресс шагал вперед, тем толще были их пучки. Нет, конечно, взрослого человека такие лианы не выдержали бы, но мальчик вполне благополучно, перебирая руками, начал перемещаться к другому, соседнему дому. Подбежавший к краю крыши преследователь лишь вытаращил глаза и раскрыл рот от подобного лихачества.

– Эй, ты совсем рехнулся? – крикнул мужик.

– Режь провода! – закричал еще один снизу, тот, что не стал переходить по доскам на балкон.

– Но он разобьется… – попытался было возразить бандит на крыше, но другой перебил:

– Режь! Не то Черномор нас на лоскуты порвет! Режь, говорю!

И бандит на крыше, немного поколебавшись, достал из-за голенища сапога огромный нож. Мужик неуверенно поднял его, словно сомневаясь в правильности принятого товарищем снизу решения. Но потом сжал зубы и взмахнул тесаком, перерубив им сразу весь пучок.

Вит успел намертво вцепиться в скользкие провода и дико заорать, когда они рухнули вниз, потянув за собой и мальчика.

– Убейся, сученыш! Убейся! – закричал внизу полоумный враг и побежал к месту предполагаемого падения пацана. Но провода оказались слишком короткими, чтобы позволить Виту упасть. Вместо этого он довольно ощутимо ударился о

стену дома, на который и хотел попасть. У Вита вышибло воздух из легких, руки от удара разжались, и он все-таки рухнул вниз, но только с высоты метра.

Когда подбежал незнакомец, желающий его смерти, мальчика уже не было на месте. Он затерялся в кустах, обильно разросшихся по всей улице.

Мужчина в маске зарычал и от злости пнул первый попавшийся камень. А Вит в это время уже стоял перед огромным темным провалом туннеля, уходящего куда-то под Волгу. Здесь можно было на время укрыться, но… мальчик долго не мог двинуться. Темное место словно вытаскивало что-то из души Вита. Что-то невероятно тайное и ужасное. То, чего, по его мнению, никогда и не должно было случиться в его жизни. Почему же так тошно от вида этого заброшенного туннеля? Отчего у мальчика, никогда не боявшегося темноты, меж лопаток бегут мурашки? И отчего хочется убежать и спрятаться подальше отсюда, а еще лучше – скрыться навсегда из Рыбинска?

Вит сердито топнул ногой. Он же почти взрослый, в самом деле! Неужели его испугает какой-то темный туннель и его тайна? Никогда! Мальчик сжал кулаки, грозно нахмурился и шагнул внутрь, в беспросветный мрак.

* * *

Вит ошибался, когда думал, что Вовк сдался. Он просто лишился сознания от большой потери крови. Впрочем, ненадолго. Когда мальчик пришел в себя, голова раскалывалась от невыносимой боли, почти невозможно было открыть глаза. Все, что смог сквозь узкие щелки увидеть Вовк, – что его куда-то несли люди в черных носатых масках. Красный Фургон![1 - См. роман автора «Приют забытых душ». Бандиты во главе с Черноморовым (Черномором) разъезжали на красном фургоне по городам, искали выживших и забирали детей в Переславль-Залесский, в Горицкий монастырь, где подчиняли своей воле и делали из них бездумных убийц и солдат.] Невозможно не узнать его красные высокие борта с огромной белой надписью. Пленители открыли высокие двери-створки, занесли внутрь. Много детских лиц вокруг, большие испуганные глаза, глядящие из темноты, царящей в фургоне. Чуть дальше – более скрипучая дверь. И она отсекла Вовка от всех-всех-всех, от всего мира, оставив мальчика лежать на холодном металлическом полу в пятне слабого света и корчиться от невыносимой боли в голове. Вовк застонал.

– О! – раздался из темноты неприятный, тянущий гласные бас. – Будет еще больнее! Лучше не сопротивляться. Легче. Я все равно залезу к тебе в голову, буду знать все-все мысли, даже самые потаенные. Только будет больнее… не сопротивляйся.

– К-к-кто ты? – заикаясь, спросил мальчик.

– Зови меня Отцом!

– Нет! Нет. У нас есть отец!

– Нет-нет, – передразнил невидимый собеседник. – У вас был отец. Я-то вижу в твоей голове… А теперь эта вакансия свободна!

– Пошел к черту! – выдавил Вовк, превозмогая боль.

– О! Ты не первый, кто бьется в истерике! За два года таких было много. Но все! Все-все-все подчинились!

– Я не такой! – взвыл Вовк, понимая, что некто уже рвется в голову, и что бы мальчик ни делал, как бы ни желал не пускать незнакомца, тот добьется своего.

– Такой, такой… – тихо прошептал некто невидимый, и мальчишка вдруг закричал сильнее, изогнулся всем телом и через несколько секунд обмяк, погрузившись в глубокий гипнотический сон.

Из темноты вышел здоровенный мужик в грязной, засаленной фуфайке. Он нахмурил густые рыжие брови, а потом присел рядом с маленьким телом и закрыл глаза. Огромная ладонь с толстыми пальцами-сосисками легла на голову Вовка. Густая огненно-рыжая борода затряслась, когда мужик зашептал:

– О! Вот это сюрприз! Вот это удача! Я наконец-то вас нашел! Удивительно! Вы существуете! Сколько раз был в этом городе… а вот только сейчас улыбнулась удача! Э-э-э! Ваш отец, Кизляк[2 - Кизляк – глава «Приюта забытых душ» из одноименного романа.] из Переславля-Залесского, будет очень мне благодарен! О, да! Очень-очень! Вот только надо братика словить! Хотя… М-м-м… Э-э-э… да! И ловить-то не надо! Сам придет! Тебя спасать. Такие они – братья. Нырнут в

самый темный туннель, если понадобится помощь! Что ж, ждем-с, ждем-с…

Дверь, отделяющая апартаменты бородача от детского барака, полутьму, в которой жил мужчина, от беспросветного мрака детей, заскрипела, открываясь. В щель просунулась голова в маске с длинным носом, и заглянувший виновато и сбивчиво зашептал:

– Отец! Отец, прости! У нас не получилось… это… поймать второго… Он слишком быстрый! Он… Э-э-э… слишком… юркий и скользкий. Он, э-э-э… повис на проводах и… он сбежал! Отец! Ты представляешь?! На проводах! Тех, что с дома на дом! Это ж никому и в голову такое… Это ж…

– Зайди, Семен! – пробасил Отец Василий Черноморов[3 - Черноморов – персонаж романа «Приют забытых душ». Владеет гипнозом и способен подчинять чужую волю своей.], поднимаясь с пола. – Не держи дверь открытой, не пугай детей! Мне с ними работать, а от страха они зажимаются, становятся закрытыми, их потом из клетки очень трудно достать. Секатором приходится работать!

– Да! Да, Отец! – жалобно протянул мужчина, вошел, и дверь вновь скрипнула, отсекая беспросветный мрак детского помещения от комнаты Черномора. – Я только…

– Ты подвел меня, Семен! – ласково заговорил Отец, поднимая руку к голове мужчины. Тот еще жалостливее заскулил и упал на колени, держась за голову. Видимо, Черномор решил проучить подчиненного. – Ты заставил Федора перерубить провода, на которых висел мальчик! И даже не смей думать о возможности соврать мне! Я вижу, что видел ты! Я вижу, как сильно ты хотел его смерти! Но убивать детей здесь могу только я! Сам знаешь! Это лишь моя привилегия! Понятно?

– Да! Да, Отец! – проскулил, словно пес, мужчина. Невероятная головная боль пригибала его к полу. – Я понял! Понял! Прости!

Целую минуту рыжий Черномор возвышался над катающимся по полу подчиненным, упиваясь его болью, потом взмахнул рукой и сказал:

– Ступай! Собери всех, и идите по развалинам! Смотрите, изучайте, делайте все, что нужно, чтобы захватить мальчишку, ибо он придет сюда! Вернется за

братом! И вы… ни за что не должны упустить его! Понятно?

– Да! Да, Отец! – пробормотал Семен и быстро выполз из помещения. Он желал сейчас оказаться как можно дальше от разгневанного Отца, а поэтому лучше всего было идти изучать развалины и строить засаду.

* * *

Так братья и разлучились. Вит находился в невероятной растерянности. Вообще, сегодня все произошло слишком неожиданно. Нелепая охота Вовка, глупая смерть отца, случайная встреча с Красным Фургоном и его хозяевами, бесславное пленение Вовка, невероятное бегство Вита и этот странный черный туннель, вызывающий мурашки и оторопь у мальчика, забывшего, что такое страх… Но тьма из бетонной трубы, уходящей под землю, не только пугала, но и манила. Что-то внутри Вита требовало пойти в черную жуткую дыру под Волгой и разобраться в этой загадке. И хоть это место до дрожи в коленках пугало мальчика, он уверенно шагнул внутрь.

Странные образы, которые начал видеть Вит при приближении к загадочному месту, стали ярче и четче. И чтобы закрепить и усилить эти видения, мальчик, превозмогая себя, шел в черную бездну опустошающего ужаса. Что еще поможет вспомнить события далекого прошлого, как не прямой контакт с этим самым страхом?

В туннеле было очень сыро и холодно – давно не ремонтировавшиеся железобетонные конструкции сводов пропускали воду. Гулкое «Кап! Кап! Кап!» доносилось то спереди, то сзади, то отовсюду разом, словно некто невидимый начинал резво скакать по лужам. Вит испуганно оборачивался, крутился на месте, но все, что мог увидеть, удалившись на сто метров вглубь, – тусклый свет от входа, почти скрытый поворотом. Этот вид вдруг напомнил другой. Старый, невероятно старый туннель из далекого прошлого мальчишки, будто Виту уже сто лет и он с огромным трудом сквозь призму старческого слабоумия и других умственных недугов пытается вспомнить единственное действительно ужасное время его жизни. И этот сырой туннель с неярким светом далекого выхода, скрытого поворотом, дал толчок воспоминаниям.

Вит упал на колени в холодную лужу и заорал. Сознание мальчика словно проснулось, перед глазами встали яркие картины того, что происходило восемь

лет назад.

И мальчик кричал вновь и вновь, пока туннель не вернул ему ужасную память. Вит много раз падал в лужи, много раз потом вспоминал, кто он, а когда вспомнил, то начал тонкими детскими пальцами вытаскивать из биты длинные гвозди. Сейчас они не нужны, их использование только усугубит ситуацию в будущем. Но Вовка нужно спасать! Своего последнего родственника, своего единственного из двадцати пяти оставшегося в живых брата! Потом мальчик кровоточащими пальцами провел по лицу, на щеках и лбу остались кровавые полосы…

* * *

По скверу меж четырех пятиэтажек и окрестностям разнесся злой, демонический хохот, отпугивающий любых тварей на несколько километров вокруг. Вит ухмыльнулся: корова хоть и не видела своих хозяев несколько дней, все же исправно выполняла свою работу. Ей, кажись, по фигу, что творится вокруг. Лишь бы кормили.

Вит Соколов осмотрелся и уверенно направился по потрескавшемуся асфальту к дальнему углу сквера. Там все еще стоял Красный Фургон, а рядом притулился неказистый с виду принадлежащий братьям армейский кунг. Конечно, ждут Вита! В свете открывшейся правды прошлого, определенно, ждут Вита! Кто бы ни управлял Красным Фургоном и людьми из него, но мальчик чувствовал, что этот некто все знает. Что ж, Вит не хотел заставлять неизвестного врага ждать. Важнее было спасти брата! Поэтому мальчик, не торопясь, шел к отвратительному фургону.

Красная кепка с длинным козырьком скрывала глаза от солнца. Спереди белым была вышита странная надпись: «СССР». Черно-зелено-красный платок прикрывал нижнюю часть лица и шею. С тех пор, как с ребенка стянули куртку, торс оставался голым. Ничего, вот отобьет с Вовком свой фургон – и накроет беззащитную перед жарким солнцем кожу. Ноги обтягивали штаны из шкуры волка, а вместо башмаков – мягкие кожаные мокасины из короткошерстного кошака. В руках Вит сжимал окровавленную биту без гвоздей и заостренную арматурину, которую вытащил из черепа убитой кошки.

Рядом с Красным Фургоном притулилась маленькая фигурка ребенка. Прищурившись, Вит понял, что это Вовк, только какой-то странный. Недвижимый. А в руках – «гвоздатая» бита. В отличие от Вита, Вовк был одет полностью. Его торс не обжигали жаркие лучи летнего солнца, а прикрывала хорошая куртка из шкуры дикого кабана. На зеленой кепке красовалась белым еще более странная надпись: «USA».

Вит почувствовал нарастающую головную боль и огляделся, продолжая идти. На сей раз мальчик нашел врага. В центре сквера находилась детская площадка, и на длинной красной лавочке восседала странная черная фигура, полностью закутанная в плотный плащ. Вит чувствовал, что лишь через узкую щелку за ним наблюдали внимательные и очень злые глаза. Головная боль усилилась, но, помотав головой, мальчик пошел дальше. Мимо незнакомца, все ближе и ближе к брату – в надежде увести его от этих злых людей.

И встретил совершенно пустой, слегка затуманенный взгляд ребенка.

– Вовк! Ты как? – тихо спросил Вит, когда подошел чуть ли не вплотную. Только брат ближе не подпустил, подняв руку с дубинкой, нашпигованной гвоздями «двухсоткой» – грозным оружием, делающим из любого зверя фарш, а из тринадцатилетнего мальчика – тем более. Они были одни, со всех сторон мальчишек обступали высокие дома с пустыми, разбитыми окнами. В каждом из них мог засесть человек, пособник застывшей на детской площадке фигуры. Для полной картины запустения не хватало перекати-поля и перебегающих дорогу ящериц.

– Вовк! Ну, давай же! Очнись! – повысил голос Вит, подняв руку и щелкая пальцами.

– А я тебя ждал, пацан! – заговорил, наконец, Вовк не своим голосом. У Вита аж мурашки по спине побежали. – Я давно ищу вас двоих! Вернее, Отец Кизляк просил найти, и я… вот… Поехали домой, сынок?

– Никакой я тебе не сынок, кто бы ты ни был! – возмутился Вит. – И этому Кизляку я не сынок! Мой отец…

– Ведь это не так! – перебил Вовк, явно излагая мысли незнакомца. – Нет у вас отца. Нет же! Вы выросли в пробирке! Так ведь? Я вижу в голове твоего брата! И

хоть я не знал вас, ведь работаю с Кизляком всего два года, но вашу историю знаю! Читаю вас, как открытую книгу…

– Есть! – упрямо крикнул Вит, игнорируя неприятные слова незнакомца. – Есть! И он нас спас от Кизляка восемь лет назад!

– Что ж, – Вовк пожал плечами. – Вы все равно пойдете со мной к Кизляку. Он что-то с вами не доделал, не так ли?

– Нет! – возразил Вит.

– А я думаю – да! – Вовк в этот момент поднял голову и оглядел окружающие дома, словно ожидая там кого-то увидеть. Подкрепление?

– Э-э-э… – Вит поднял вверх окровавленную биту. – Они не придут! Я обошел эти дома с утра и вырубил твоих людей.

– Что? – Вовк растерянно завертелся на месте, оглядываясь.

– Не бойся! – самоуверенно улыбнулся Вит и обернулся к сидящей на лавочке темной фигуре, помахал ей рукой. – Живы они, только очнутся не скоро. Мне проблемы не нужны. Я только брата заберу.

– Не заберешь! – Вовк вдруг резко прыгнул вперед, взмахнув правой рукой, в которой держал биту. Левая свободно болталась, видно, травма, нанесенная котенком, оказалась серьезной. Удар подобной дубиной, набитой гвоздями, даже не сильный, был чреват губительными последствиями. Вит еле отскочил. Потом подставил свою «беззубую» биту и отбил следующий слабый удар раненого брата.

– Ты чего, Вовк?! – воскликнул Вит.

– А ты думал, – быстро заговорил брат, – если я не могу залезть к тебе в голову, то не смогу и поймать и отправить к папе Кизляку? Да вот хоть твой Вовк это сделает! А я его направлю!

Ошарашенный Вит, отпрыгивая, уворачиваясь и отбивая удары, вдруг понял, что план может провалиться. И все из-за слабого головой Вовка! Управляемый незнакомцем брат когда-нибудь настигнет Вита и изобьет его палкой с гвоздями, а потом покалеченный мальчик все-таки поедет к Кизляку! Что же делать? Как вызволить Вовка из-под влияния чужой воли?

– Вовк! Очнись! – закричал Вит, вновь отпрыгивая подальше и наблюдая, как брат, замахиваясь, идет к нему.

– Я был не прав! Я называл тебя нюней! Отродью! Извини! Это не так!

Вовк неумолимо надвигался. Вит, держа обеими руками свою биту, отразил новый удар и опять отбежал на приличное расстояние.

– Я – дурак! Я – кретин! Прости! Вовк! Но ты сам виноват! Это ты стер нам с отцом память! Ты заставил забыть все ужасы, которые творил в своем бункере Кизляк! Ты…

Вовк вновь замахивается. Лицо бесстрашное, взгляд неподвижный, движения автоматические, неумолимые. Кажется, сейчас он ничего не понимает. Воля незнакомца пока берет вверх. Его не победить!

– Ты спас нас! – продолжал орать Вит. – Спас! Меня! Иначе из двадцати пяти братьев не осталось бы никого! Вовк…

Гвозди оцарапали кожу на груди. Несколько кривых полос тут же налились кровью.

– Вовк!

Взмах рукой, и бита пролетела обратно. И опять чуть не оцарапала.

– Ты видел смерть наших братьев! Все эти… эксперименты! И пытался спасти их! Но! Удалось! Только! Меня! И… себя! И…

В этот момент Вит споткнулся и завалился на спину. Его бита отлетела в сторону, а Вовк очень проворно оседлал брата и тут же занес над головой свою

дубину. И Вит заорал в последний раз, выставив над головой руки:

– И ты изменил нам память! Себе! Мне! И тому охраннику! Чтобы увез нас оттуда! Ведь нам по пять лет было! Вовк! Вовк! – все кричал и кричал Вит и только через несколько долгих секунд осознал, что страшная бита до сих пор не опустилась на подставленные руки, а потом на голову.

Вит раздвинул ладони и с удивлением посмотрел на брата. Взгляд того принял осмысленное выражение. Он с ужасом глядел на дубину в руках и на Вита.

– Я не понимаю… – Потом слезы полились из его глаз. – Я блуждал по туннелю… и твой голос вывел на свет. Я не хотел…

– Я знаю! Знаю! – успокоил его Вит. – Ты пытался спасти. Там, и в черном туннеле, ведущем из бункера Кизляка в подземельях Переславля-Залесского… Ты – молодец!

– Но я не спас остальных братьев! – жалобно проскулил Вовк, собираясь с новой силой заплакать, но Вит прижал к его губам ладонь.

– Ты не мог. Ты маленький был. Всего пять лет! И уже тогда мог… изменить нам троим память! Представь, что же ты можешь сейчас!

Лицо брата озарилось светом, словно в темный-темный туннель внесли яркую-яркую лампу. И Вовк посмотрел на Вита.

– Ты помог мне! Напомнил! Брат!

– Ты можешь больше! Я верю! Просто до сегодняшнего дня ты был немного не в себе. Чуть-чуть все забыл.

– А теперь? – удивленно переспросил Вовк, словно не понимая, что делать дальше.

– А теперь спасай нас! – развел руками Вит и махнул головой в сторону укутанного плащом незнакомца. Вовк понял все с полуслова, повернул навстречу врагу голову и нахмурился. Его лицо приняло злое выражение, а

темная фигура нерешительно замерла.

– Давай! – прошептал Вит. – Я верю в тебя, брат!

И Вовк сжал кулаки, поднялся и пошел к Черноморову, который обеспокоенно вертел головой. Он потерял контакт с жертвой, а помощники, как ему сказал мальчик, все были вырублены. Они не придут. Мужчина отчаянно пытался вновь взять контроль над тринадцатилетним мальчиком, но ему не удавалось. Вовк больше не пускал к себе в голову чужое сознание. Теперь мальчик был сильным, он помнил прошлое. Он управлял им, и он точно знал, что может управлять настоящим и будущим. Вовк не позволит кому-то изменить себя! Как тогда, в бункере, восемь лет назад…

Глава 2. Странный разговор

Середина октября 2033 г.

Мощный двигатель монстра еле слышно урчал под желтым капотом. «Хаммер» плавно и деловито объезжал серьезную пробку на Ярославском шоссе, и эта пробка стала бы настоящей проблемой, если бы затор не случился двадцать лет назад. Потом выжившие растащили опустевшие автомобили по обочинам и проложили новый маршрут среди покореженных и ржавых автомобильных остовов.

И вот желтый капот вражеской машины плавно, словно нос корабля, поворачивал то вправо, то влево, объезжая кучи металлолома, которые покрывал валом валивший снег. На улице было холодно, в отличие от салона, где вовсю работала печка. Дворники исправно смахивали налипающий на лобовое стекло снег и раз за разом приоткрывали небольшое окно в снежную сказку. Дорога шла по обычному смешанному лесу, который укрывала снегом поздняя осень, и лишь остатки автомобилей напоминали водителю о том, что когда-то давно на мир обрушилась Великая и Ужасная Катастрофа, уничтожившая все живое на Земле! Ну, почти все…

Некоторые индивиды выжили и, будто забыв, из-за чего случилась война, продолжили дело погибших предков, уничтожая друг друга.

Софья Макаренко по прозвищу Сова от злости с силой сжала кожаную обшивку руля. Она еще не простила смерть отца тем мразям, что влезли в их спокойную жизнь и уничтожили семейную идиллию вдали от любых выживших идиотов в лесах под Вологдой. Да, девушка отвлеклась от мести на несколько дней, да, забыла про злость, что сводила челюсти и пальцы на спусковом крючке СВДС, когда в окуляре появлялась рожа одного из нефтяников из Ярославля – но только на время. Пока не вызволит из рабского плена детишек.

И у Совы получилось. Вместе с единственным, не считая отца, порядочным и достойным мужчиной, встреченным девушкой за всю сознательную жизнь, они освободили детей[4 - См. роман автора «Приют забытых душ».]. И теперь Макаренко могла со спокойной душой вернуться к мести.

Она сходила за угнанным «Хаммером», пригнала его в «Приют», заправила, набила припасами, найденными Михаилом Прохоровым – тем достойным человеком – в бункере под монастырем, и пустилась в новый путь. С новыми силами, с новой ясностью и спокойной душой…

Впрочем, не совсем спокойной. Пятьдесят измученных взрослыми и истощенных детей вызвали у нее слезы и неясный зуд в груди, когда собрались попрощаться с Софьей. Трогательно и мило, но как-то неправильно для умирающего мира. Макаренко лишь скривилась, чтобы не показать чувства, а грудную клетку в это время сжимало спазмом, и на глаза наворачивались слезы. Софья, всегда такая сильная, упрямая и не в меру жесткая, не могла спокойно смотреть на жалостливые лица детей. Ее тянуло остаться, но твердый характер, воспитанный отцом и долгими тренировками, отказал шантажирующим Софью эмоциям. Сначала нужно закончить дело, а потом возвращаться к детям и, возможно, подумать о своем…

Вот как сейчас. Где еще подумать о рождении собственного ребенка, как не вдали от любого мужчины, в глухом, заснеженном лесу, который Макаренко пересекала на желтом «Хаммере», отобранном когда-то у бандитов? Наверное, самое романтичное место в мире…

Раньше подобные мысли не посещали голову двадцатипятилетней девушки. Наверное, потому, что в ее жизни существовал один мужчина – отец. А потом появились бандиты-нефтяники, негодяи, обирающие свободные земли и убивающие неугодных. Ни одного достойного мужика во всей округе, чтобы допустить даже мимолетную мысль о замужестве. К подобным мужчинам у Софьи могло возникнуть только отвращение. Зато отвращение – это то, что необходимо именно во время войны. Макаренко с удовольствием лупила и убивала нефтяников, взрывала их припасы и отбирала порабощенных детей. Жаль, что уничтожила не всех. Вот теперь надо вернуться в Ярославль и отомстить за отца. Но только обязательно отомстить! Ничто не должно отвлечь ее от цели! Ничто! Хватит разгуливать вокруг да около! Надо мстить – и в сторону! Потом спокойно жить, вернуться к детям и, возможно, родить своего.

Вновь возникшая мысль о гипотетическом ребенке разозлила Сову. Макаренко сжала пухлые губки и нахмурилась. Единственный достойный мужчина в ближайших областях, с кем можно создать семью, – Михаил Прохоров, но у него пятеро детей! И еще около пятидесяти приемышей! Это же… Это же… Но тут вспомнились печальные и угрюмые маленькие лица сирот, провожающих Макаренко в дорогу у ворот Горицкого монастыря в Переславле. Полсотни одиноких маленьких детишек! И одного Михаила на них явно маловато! Сова сжала губы и зашмыгала носом, часто-часто заморгала, чтобы предательские слезы не брызнули из глаз. Не ко времени все это – слезы, размышления о ребеночке и потенциальном отце! Земля еще горит под ногами убийц отца, а месть… с ней лучше не задерживаться, а то жизнь закрутит в водоворот, и не заметишь, как остынешь и забудешь о справедливости, необходимой, как воздух! Нет! Сначала нефтяники, а потом уже Переславль-Залесский, дети, возможно, Михаил, любовь и собственный ребенок.

Сова пошмыгала носом и повернула к себе зеркало заднего вида, выбрала участок дороги, где не нужно все время петлять меж искалеченных войной машин, и взглянула на себя, стирая с глаз предательскую влагу. Макаренко – дочь своего отца! Она выдержит! Она отомстит! Развесит головы негодяев по всему Ярославскому шоссе, когда будет возвращаться в «Приют забытых душ», чтобы любым мразям в радиусе пары сотен километров от Ярославской области неповадно было лезть к детям!

Макаренко объехала одну из куч металлолома, сваленную посреди дороги, вновь взглянула в зеркало заднего вида и нахмурилась. На заднем сиденье высилась груда мешков с одеждой и провизией, которые они нашли с Михаилом

Прохоровым в бункере под Горицким монастырем, когда уничтожили Черномора с Кизляком[5 - См. роман автора «Приют забытых душ».], и что-то в этой куче насторожило девушку. Она прищурилась, напряглась, и вдруг резко вжала педаль тормоза в пол. Автомобиль проехал еще несколько метров по снежной каше, прежде чем остановился. Мешки и баулы по инерции начали перелетать вперед, как и тот, кто прятался среди них…

Как только «Хаммер» остановился, Сова одной рукой схватила перелетевшего через сиденье вместе с мешками человека, а второй стала наносить ему резкие и частые удары. Какое-то время незнакомец дергался и невпопад лягался в ответ, а потом не выдержал и закричал:

– Стой! Сова! Стой! Пожа-а-алуйста-а-а!

Тонкий детский голосок остановил руку девушки, она дернула тело на себя, вырывая его из груды мешков, и… оказалась нос к носу с Русланом Озимовым. Двенадцатилетний черноволосый мальчишка морщился и хмурился от боли и виновато смотрел на Сову черными глазами.

– Ты! – воскликнула девушка возмущенно.

– Ты обещала научить меня стрелять из снайперки! – быстро затараторил пацан. – Ты обещала!

– Ты… – опять начала Софья и от возмущения на секунду проглотила язык. Потом рявкнула: – Да ты с кукушкой-то дружишь? А?!

Руслан вжал голову в драную телогрейку.

– Дружу, – протянул он обиженно.

– А по-моему – нет! – громко возразила Макаренко.

– А по-моему – да! – упрямо перебил Озимов и затараторил: – Как нам еще уговорить тебя остаться? А?!

– И лишь для этого ты спрятался в «Хаммере»? – удивленно переспросила Сова.

– Да! – Руслан с вызовом выставил вперед подбородок. Софья довольно грубо толкнула его обратно на сиденье, где мальчик стал устраиваться, перекладывая мешки назад. – Ты должна остаться! Прохоров один с нами со всеми не справится! Ты…

– Нет! – рявкнула вновь Сова. – Нет! Я должна ехать к нефтяникам и убить их! Ничего ты не понимаешь, мальчишка!

– Нет, понимаю! – обиженно возразил Руслан, повышая голос. – Понимаю! Они убьют тебя! И что станет с нами? А?!

Некоторое время Макаренко молчала, пережевывая и смакуя обидные и злые слова, готовые вот-вот сорваться с губ. Но сдержалась и спокойным тоном сказала:

– А что станет с вами, если я их не убью? А?! – Она пристально уставилась большими карими глазами на мальчика, тот, затаив дыхание, затих. – Ну? Представь! Вы победили в маленькой битве, уничтожили Черномора и Кизляка – и все? Думаете, наступил рай, а все остальные беды пройдут мимо? Да? – Девушка ткнула пальцем в окно. – Я еду мстить нефтяникам за отца! Да! И это не изменить! А еще я еду предотвратить войну, которая грядет, когда эти мрази узнают, что их детишки захватили их школу, их город и уничтожили их союзников – Черномора и Кизляка! Война придет под стены Переславль-Залесского Горицкого монастыря и сровняет с землей «Приют забытых душ». И все это случится, если я не уничтожу нефтяников! Понимаешь?

Затихший Озимов кивнул, но страха в его глазах так и не появилось.

– Не называй его так, – тихо попросил мальчик.

– Его? – не поняла Софья. – Черномора? Кизляка? Нефтяников?

– Приют, – прошептал Руслан. – Никакие мы теперь не забытые души. У нас есть Михаил и ты.

– А как тогда? – переспросила Сова.

– Зови… – Мальчик на секунду задумался, отведя взгляд в окно – на огромные падающие снежинки. – Зови «Приют свободы»!

– Ладно, – пожала плечами Макаренко. – Вот… если я не поеду, то нефтяники явятся к Михаилу с детьми и вновь превратят «Приют свободы» в «Приют забытых душ», если, конечно, не разозлятся так, что и вовсе уничтожат его. Это понятно?

Руслан угрюмо кивнул, посмотрел на девушку исподлобья и твердо сказал:

– Я с тобой еду!

– Нет, – отрезала Сова.

– Но почему? – возмутился Озимов.

– Там будет боль и смерть! И много-много трупов! – Девушка вновь указала в сторону Ярославля.

– Там тоже будут! – перебил Софью Руслан настолько яростно, что она замолчала. – Там тоже смерть и боль! Для меня уж точно! Там убили Катю! И я не могу…

– Можешь!

– Не! Мо! Гу! Слышишь?! – закричал пацан. – Я не могу находиться там. Лучше я тоже вместе с тобой буду мстить! За Катю!

Сова молчала слишком долго, сверля глазами мальчика. Жгучее желание забить в асфальт голову любого ублюдка, так или иначе связанного со смертью близкого человека, было понятно девушке. Как и нежелание сидеть в четырех стенах и трястись от мысли, что скоро приедут враги и отомстят им самим за смерть Черномора и Кизляка. Но! Минусов от присутствия Руслана здесь, рядом с Совой, было намного больше!

Во-первых, он маленький – как и во-вторых, и в-третьих! Да не хочет она таскать за собой мальчишку! Не хочет! Он вечно будет путаться под ногами и мешаться!

И вообще… Софья привыкла действовать одна и рисковать только собственной головой. А подставлять чужую, пусть и глупую, у Макаренко не было никакого желания. Решено!

Девушка завела «Хаммер». Он, грозно заурчав, дернулся. Снежинки, словно живые, подскочили вверх с капота. Руслан довольно осклабился, думая, что Сова сдалась и берет его с собой! Но, увы, напрасно! Та вдавила педаль газа и повернула руль, разворачивая «Хаммер» обратно вокруг композиции из двух вертикально стоящих автомобилей, словно кто-то гигантский несколько лет назад составлял из машин пирамидки.

– Нет! Сова! Нет! – тут же взорвался криком Руслан. Он метнулся к Макаренко и повис на руке, мешая рулить. Девушка от досады оттолкнула назойливого ребенка слишком сильно: мальчик отлетел назад, стукнулся головой о металлический каркас «Хаммера» и затих. Сова хмуро поглядела на него. На девушку теперь смотрел обиженный волчонок. Взгляд исподлобья, губы сжаты, а лоб сморщен, будто Руслан не ожидал от нее такого. Макаренко яростно мотнула головой, мол, «нефиг», и тут же затормозила.

В «Хаммере» стало холодно, несмотря на работающую печку. Руслан держался за ушибленный затылок и готов был заплакать от несговорчивости Софьи, но та вдруг, не скрывая удивления, уставилась на дорогу. И долго смотрела, будто сомневаясь в том, что видит.

– Сова? – тихонько протянул мальчик, но девушка не откликалась, продолжая смотреть вперед. Руслан не мог видеть, что творится на дороге, но поза Макаренко пугала. Сильная и волевая женщина просто не могла столь растерянно хлопать глазами. Она бы давно уже что-нибудь предприняла! Поэтому мальчик осторожно приподнялся на сиденье и выглянул из-за мешка с провизией, который заслонял ветровое стекло.

В заснеженном лесу, где сквозь снег темнели деревья и кособокие конструкции из остовов автомобилей, стоял одинокий человек. Руслан не мог понять, что не так было с этим незнакомцем, но вдруг всем телом ощутил холод, выстужающий кабину. В тени под капюшоном пряталось лицо – казалось, что человек буравит его взглядом и вытягивает саму душу из тщедушного тела.

– Чего не едешь? – прошипел Руслан. Конечно, шипеть он не хотел, но паника как будто заставила горло сжаться так, что Озимов смог выдавить из себя только шипящие звуки.

– Нельзя, – унылым шепотом ответила Сова.

– Как это – нельзя?! – возмутился мальчик. – Это… Оно… Он же хочет нас съесть!

Руслан не взялся бы объяснить, почему он так решил. Эта уверенность пришла откуда-то из подсознания, питаемого древними инстинктами и суевериями далеких предков, которых мальчик никогда не знал.

– Ой! Да никто не будет тебя есть! – раздраженно отмахнулась Макаренко, продолжая пристально смотреть на фигуру. – Максимум заберет к себе в Ростов и будет…

– Что? – забеспокоился Руслан. Страшные образы представились ему в ответ на брошенное Совой слово «будет». Ничего хорошего странная черная фигура за окном явно не предвещала. – Ты уверена, что его не раздавишь?

– Уверена! – мрачно кивнула Софья, словно чего-то ожидая от незнакомца. Но оружия она не доставала.

– Слушай! – тут же встрепенулся мальчик. – Я там твою винтовку видел… Давай достану?..

– Не поможет, – мотнула головой Макаренко.

– Ты уверена? Тогда что же?..

– Ждать, – твердо сказала девушка. И Руслан с замиранием сердца притворился, что все хорошо, и уставился на таинственную, пугающую фигуру за окном. А снег летел и летел и словно не замечал незнакомца. Не покрывал ни его балахон, ни плечи, ни голову. Будто тот был нематериальным. Будто вовсе не существовал…

– Ой! – вновь прошипел Руслан, когда черная фигура плавно двинулась в сторону «Хаммера». – Я, кажется, описался!

– Заткнись! – прошипела в ответ Сова, наблюдая, как незнакомец направляется к водительской двери. – Его не убьешь! Лучше замолчи и стань похожим на этот баул со шмотками!

– Ты… вы… знакомы, что ли? – последние слова Руслан произнес почти неслышно, пораженный фактом общения девушки со столь странным существом.

– Да, – кивнула Макаренко совершенно серьезно. – И тебе лучше притвориться мертвым, пока он не пригляделся к тебе.

Озимов едва не лишился сознания от этих слов, в ужасе вытаращил глаза и хотел что-то сказать, но передумал и, закрыв веки, замер, словно мертвый суслик, скрестив на груди руки. Сова же опустила ветровое стекло, дрожа и замирая от страха. Она очень хорошо помнила тот день в Ростове Великом, когда этот же тип забрал у нее труп Вани прямо из автомобиля[6 - См. роман автора «Приют забытых душ».]. Девушка не могла поверить, что случившееся в Ростове – правда. Думала, что галлюцинации, но… вот опять! Опять этот старик – Лука – преградил дорогу и чего-то ждет от Софьи. И ситуация до ужаса похожа. Девушка вновь хочет ехать через Ростов, вот только в кабине у нее не труп, а очень даже живой человек. И при этом – совсем мальчишка! Неужели все повторится и машину окружат жуткие тени, неупокоенные души?

Снежинки ворвались с ветром в окно и хлестнули по лицу. Прищурившись, Сова пыталась разглядеть лицо старика под сильно нависшим капюшоном. Но, как и в прошлый раз, не смогла: только бледный орлиный нос и спутанную седую бороду. Человек положил ладони на опустившееся стекло и улыбнулся. Местами потрескавшиеся, посиневшие губы раздвинулись, обнажив гнилые зубы. От нестерпимого запаха тухлятины девушке пришлось задержать дыхание.

– О! Здрава будь, красавица! – довольно заговорил старик, по-другому у Макаренко язык не поворачивался назвать этого жалкого мужика в лохмотьях. – Ты гляди! Наши встречи становятся все чаще! Придет время, и ты вовсе перехочешь уходить!

– Ну, это вряд ли! – замотала головой Сова и ткнула под капюшон кукиш.

– Э-э-э… – протянул старик. – Обижаешь! Ты просто пока не видишь смысла в этом простом и безмятежном блуждании по полям и лесам земли Ярославской…

– Я вот только в твоем существовании не вижу смысла, Лука! – заявила девушка. – Давай уже мирно разойдемся?

– Как прошлый раз? – капюшон кивнул на скорчившегося в неудобной позе Руслана.

– Нет уж! – гневно воскликнула Макаренко, ярко представив прошлый раз – как мертвый Иван вдруг очнулся и сам согласился уйти со стариком. – Этот живой, Лука! Тебе он достаться никак не может!

– Почем знаешь? – Капюшон резко и обеспокоенно повернулся к Сове. – Может, сейчас получится забрать?

– Потому что он – невинный! – уверенно сказала девушка. – Ты же таких не берешь! Разве нет? Да и прошлый раз ты уже взял одного…

– Времена меняются, доченька, – пожал плечами Лука. – Скоро буду и живыми брать, и невинными. Прошлый раз взял за проезд туда, а теперь… за проезд обратно! Ты же через Ростов едешь?

– Да, Лука, – кивнула Софья. – Только одна. Этот малец дома остается. Если ты отойдешь, то я его туда и отвезу.

– А как же поедешь? – озабоченно спросила борода.

– Хрен знает, Лука! – ответила Макаренко, раздражаясь. Очередная задержка вновь отодвигала месть. Сначала Руслан со своим желанием непременно ехать с ней, теперь ни живой, ни мертвый старик с эдаким жутко дебильным подобием подката. – Наверное, очень быстро.

– Да не… ты не поняла! – протянул тот.

– Да не! – перебила Софья. – Как раз все поняла! Лука, и не пытайся! Не заманишь! Мальчишку я тебе не отдам!

– Да не нужен мне твой мальчишка! – замахал вдруг руками старик. Да так, что черный рваный балахон весь затрясся, с него начал осыпаться… пепел? – Я не затем здесь, чтобы Руслана Озимова, – при упоминании его имени мальчишка вздрогнул, – с собой тащить! Не затем.

– А зачем? – Сова наклонилась вплотную к капюшону.

– Не вози мальца домой! Не вози!

– Это с какого еще перепуга? – фыркнула девушка. – С какой стати мне тебя слушаться?

– Я пропущу вас обоих через Ростов, только возьми его с собой!

– То есть, – Макаренко удивленно развела руками, – ты тут весь такой потусторонний нарисовался, чтобы не дать мне отвезти Руслана домой? Откуда такая забота?

– Да не о нем забота, – капюшон покачался из стороны в сторону, – а о тебе.

– Обо мне? – удивилась Сова, не зная, что еще ответить на такое откровение.

– Да! То есть нет! Э-э-э… – Лука явно занервничал. – Ну, не могу тебе сказать! Не проси! Только возьми его с собой, и заблудшие тени в Ростове обойдут вас стороной. Идет?

– Странная, если честно, сделка, – пожала плечами Макаренко. – А ты не завлекаешь ли? Там точно ловушки не будет?

– Считай это моим подарком тебе, – уныло промямлил старик. – Подарком в кубе, если что. Ведь я за это точно поплачусь, но зато с тобой, дочка, ничего не случится.

– Эх, темнишь ты чего-то, Лука! Темнишь! Но… помня твои честные голубые глаза…

– Этого ты помнить не можешь…

– Да ладно! – отмахнулась Софья, словно старик давно уже был как минимум другом. – Идет! Давай! Где подписывать?

– Да не надо ничего подписывать! – замахал Лука руками. – Просто поворачивай и, что бы ни происходило в Ростове, не обращай внимания. А, да! И из машины не выходи! Не выходите оба!

– Это что? Для тебя проблема?

– Для меня? – тот замотал головой и захихикал. – Нет! А вот для города… Короче! Не забивай мне голову! Езжай, пока обстановка благоприятная! Давай! Давай!

– Ладно! Ладно! – воскликнула Сова, закрывая окно. Она завела автомобиль и развернула «Хаммер». Руслан из груды баулов вытаращил глаза, а девушка ему бросила:

– Ходят тут кто ни попадя! Спасу нет! Командуют! Туда не ходи, сюда не ходи! Задрали, честно! Никакой свободы передвижения!

В ответ на долгий вопросительный взгляд Руслана Сова пожала плечами.

– Не смотри на меня так. Сама не знаю, что происходит, и объяснить не могу! Зато ты теперь едешь со мной, шкет! Радуйся! И… э… устраивайся поудобней. Только учти! Отработать придется по-взрослому. Недаром этот чудик тебя со мной направил. Что-то назревает, и ты сыграешь свою роль.

Макаренко быстро глянула в зеркало заднего вида. Никого: то ли Лука растворился в воздухе, то ли настолько сильно шел снег, что успел скрыть старика от Совы.

Глава 3. Новость

Ноябрь 2033 г.

Когда из ярко освещенного помещения выходишь в темноту, на короткое мгновение зрение перестраивается. В этот миг ничего не видишь и замираешь, словно слепой и беззащитный новорожденный котенок. Это и есть ослепительная тьма.

Потом глаза привыкают, и ты идешь вперед, осматриваясь, по техническому туннелю огромного подземного комплекса. Еле слышно шлепаешь маленькими босыми ступнями и пугаешься каждого нового звука, отскакивающего от стен.

От щелканья механических реле подскакиваешь и ускоряешь шаг, от металлического скрипа и усталого стона железобетонных конструкций вздрагиваешь и зябко обнимаешь плечи, а от далекого детского крика на глаза наворачиваются слезы.

Сглатываешь комок в горле, сжимаешь зубы и стараешься не так громко топать по холодному металлическому полу босыми ногами.

А потом часто-часто мигающая вдалеке лампочка становится ближе, и ты уже в комнате с низким потолком без окон. Кругом блестящие и холодные даже на расстоянии металлические столы и огромные стеклянные колбы с жидкостью, подсвеченные изнутри. В них что-то плавает, темное и неприятное. Ты спотыкаешься, падаешь, больно ударяешься лбом о ножку стола. Нечто падает на тебя сверху, сваливается с потревоженного стола. Ты весь дрожишь, но, превозмогая боль и паралич, вызванный страхом, переворачиваешься, слепо ищешь в полутьме руками. Поднимаешь что-то к лицу и в ужасе отбрасываешь прочь окровавленную маленькую руку. Стараешься не заорать, из горла вырывается только сдавленный гортанный хрип. Мысли парализованы.

Ты вскакиваешь, шатаясь, идешь искать выход из страшной комнаты и чуть не стукаешься головой об стеклянную колбу, наполненную жидкостью. Слабый свет наконец-то падает на темную субстанцию внутри, и ты видишь… тело маленького мальчика! Мертвого мальчика!

Курносый, широко открытые темно-карие, почти черные глаза, тонкие губы и плавно извивающиеся в жидкости, словно щупальца живой медузы, черные волосы. Ты несколько долгих секунд всматриваешься в глаза, будто стараешься отыскать в бездушном теле жизнь, потом тебя рвет на пол остатками еды, и ты идешь дальше, слегка пошатываясь. И тут же утыкаешься рукой в прозрачную стену. И не сразу осознаешь, что это не стекло, а зеркало, а с той стороны на тебя смотрит мальчик, как две капли воды похожий на мертвого, плавающего в колбе. Только мальчик, что на тебя смотрит, – это ты!

Кровь стучит в висках, в глазах темнеет, словно туннель сливается с сознанием, высасывает его, но ты идешь. Надо. Надо… Надо!

Шлеп-шлеп! Шлеп-шлеп! Шлеп-шлеп!

Маленькие ножки уже не чувствуют ни боли, ни усталости, ни холода. Просто отказываются идти. Ты несколько раз падаешь, кричишь, пытаешься плакать, но слезы высохли. Все.

Как… Как этот милый старик – Кизляк, – которого они считали родным папой, превратился в монстра? Когда? Хотя на последний вопрос ответить проще простого. Когда братьям стукнуло по пять лет. Всем двадцати пяти! Он словно ждал этой даты, специально не трогал детей, пока они росли, холил и лелеял, чтобы… обрушить на них всю свою дьявольскую жестокость, до поры до времени скрытую глубоко внутри?

Все-таки слезы есть – не все еще стекли из глаз и впитались в металлический пол. В том отсеке, откуда тебя еле унесли ослабшие ноги, все мертвы. Умерли не своей смертью. Кизляк явно проводил над братьями опыты. Резал, колол чем-то, скармливал что-то, стравливал друг с другом, погружал в жидкость или в пустую камеру, убивающую невидимыми лучами.

Все мертвы! Все! Все! Все!

Ты падаешь на пол, не в силах подняться из-за эмоций, переполняющих маленькое тельце. Там, позади, ты насчитал двадцать трех мертвых братьев. А теперь самое страшное: выводы! Остался ты и еще один! Он, возможно, уже

тоже мертв… Ты встаешь и идешь, пошатываясь…

Шлеп-шлеп! Шлеп-шлеп! Шлеп-шлеп!

Ноги студит ледяной пол, голый торс обжигает холодный воздух, а плечи сотрясаются от неуемных рыданий. Почему вдруг все так изменилось? Здесь год назад Кизляк рассказывал маленьким братьям, что они будут жить на поверхности, как счастливая семья. Папа и дети. Даже показывал красивую цветную фотографию, где смеющийся мужчина в широкой шляпе и два улыбчивых мальчика в разноцветных кепках с какими-то надписями собираются играть в неизвестную игру, держа в руках маленький мяч и две большие палки.

А потом… а потом… а потом…

Яркий свет бьет по глазам, выныривая из-за поворота. Ты стараешься утихомирить предательски шлепающие ступни, подкрадываешься и смотришь из-за угла.

Седовласый старик Кизляк! И… братик! Последний! И мужчина собирается мучить его!

Ты звереешь! Наполняешься злостью и яростью, которые распирают изнутри, а потом взрываются, выпуская зверя! И ты орешь и крушишь все на своем пути… А Кизляк падает без сознания и лежит без движения на холодном полу. А привязанный к холодному металлическому вертикально стоящему столу мальчик испуганно хлопает глазами, уставившись на тебя. Он не понимает, что происходит. Почему отец Кизляк привязал его вниз головой? Зачем взял в руки блестящую и острую иглу? Почему вдруг упал? И почему теперь на него смотришь ты?

– Пойдем! – говоришь ты, отстегивая кожаные ремни. – Надо уходить отсюда!

Полутемный туннель, длинный-длинный, а пол – холодный-холодный. Теперь ты не один, вы вдвоем шлепаете по металлическому полу босыми ногами! Из всех двадцати пяти братьев ты нашел и спас только одного! И того-то Кизляк подвесил вверх ногами и вводил в вену на шее иглу, чтобы выкачать всю кровь…

Ух и разозлился же ты! Отец Кизляк должен был умереть!..

Но не получилось. Старик остался лежать на полу без сознания, а братика ты вызволил, и теперь вам надо бежать! Без оглядки, без остановок! Гулко топая босыми ногами по металлическим плитам, покрывающим пол туннеля! И вот за мигающим светом впереди маячит свобода! Но… не только…

Путь вам преграждает огромный силуэт охранника. Страшный, ужасный, чужой! Злость вновь переполняет тебя!.. Надо смести преграду с пути, а лучше… лучше заставить охранять! И охранник падает, хватается за голову и вдруг смотрит на тебя ясным и добрым взглядом, недоуменно спрашивает:

– Сын? – потом видит рядом второго мальчика и повторяет: – Сыновья?

И добавляет, поднимаясь:

– Пойдемте, надо валить отсюда! Больше я вас в обиду не дам!

Этот кошмар всегда приходил отрывками, будто некто незримый не желал, чтобы Вит помнил все детали своей и брата жизни. Вит и сам не желал этого. Каждой ночью он мысленно просил небеса позволить ему навсегда забыть ужасное прошлое, о котором им напомнил Черномор четыре месяца назад. Но оно не хотело покидать Вита и всякий раз возвращалось отрывками, словно заплатками из ткани вдруг начавших всплывать воспоминаний. И хотя к мальчику вернулись не все обрывки прошлого, но уже можно было сложить примерную картину произошедшего восемь лет назад в городе Переславль-Залесский. Воспоминания брата приходили в голову Вита, не давая забыть случившееся.

И вот корова, как обычно по утрам, своим сатанинским воем вновь выдернула Вита из очередного такого лоскутка прошлого, пришедшего вместе со сном и повторявшегося, и повторявшегося… уже четыре месяца. На верхней койке двухъярусной кровати зашевелился брат. Через пару минут через край свесилось его улыбающееся лицо, и довольный голос возвестил:

– Вит! Там опять снег идет! Айда мыться!

– Вчера мылись, – пробурчал брат, натянул на голову шкуру волка, служившую одеялом, и из-под нее пробубнил: – Там теперь всегда снег идти будет. До лета – точно. Ведь ноябрь неделю уже как.

– Ну, Вит! – тут же заканючил Вовк. – Давай! Давай! Давай! Давай!..

Интересно, он помнит, что вчера они мылись? Помнит, конечно. Теряются только воспоминания о событиях до их побега из бункера Кизляка.

– Да у нас мазута не хватит, чтобы потом греть кунг! – прикрикнул Вит. Он ненавидел это счастливо-довольное состояние брата, потому как сам не мог погрузиться в нечто подобное уже четыре месяца – после встречи с Черномором. Может, слишком сильно хотел, поэтому и не мог? Вон, Вовк после рассказов брата все же вспоминал прошлое, но потом всегда забывал, будто метелью из головы вынесло.

– Ну, так мы сегодня у нефтяников купим! – уверенно закивал головой брат. – Ведь сегодня встречаемся же?

– Так зима может дольше длиться! И на все время нам не хватит топлива! Надо экономить.

– Ну, Вит! – Вовк скорчил печальную и дебильную одновременно моську, которой не было сил сопротивляться. – Давай! Давай! Давай!..

– Ладно! Ладно! – замахал руками Вит. – Только сегодня мазут подкидываешь ты!

– Ура! – радостно заорал Вовк и тут же соскочил с верхней полки и затопал босиком по полу кунга в угол, где стояла буржуйка. В ведре рядом еще хватало мазута вперемешку с битумом, чтобы пару дней хорошо отапливать кунг. А сейчас, раз уж мальчики хотели помыться, надо было разогреть внутреннее пространство градусов до тридцати. Ну и ладно! Пусть радуется. Сегодня выторгуют у нефтяников еще, можно себе позволить.

– Эй! – крикнул вдогонку Вит. – Корову сначала покорми!

– Э-э-э… – Вовк пытался придумать, почему именно ему сегодня этого делать не надо, но не смог. – Ладно!

Он быстро оделся, схватил кусок вяленого мяса и выскочил из кунга. Дверь открылась, впустив рой снежинок, и закрылась, вновь погрузив дом близнецов в полутьму. Вит вздохнул и поднялся с нижнего яруса кровати. Ему уже давно надоело быть единственным здравомыслящим братом в семье, но с Вовком он ничего сделать не мог. Разум того жил какой-то своей странной жизнью, то приоткрывая мальчику прошлое, то стирая его начисто, делая ребенка гораздо младше, чем на самом деле. И все происходило после редких вспышек необычных особенностей брата-близнеца.

Вот, например, вчера после бани он совершенно серьезно сказал Виту, что Черномор и Кизляк умерли. И откуда узнал, ведь эти два человека находились неизвестно где? Но мальчик повторил, а потом оказалось, что Вовк ничего не помнит из событий восьмилетней давности, которые постоянно снились Виту. После таких «чудес» Виту приходилось рассказывать в подробностях сны о прошлой жизни близнецов. Вот и теперь придется напомнить Вовку о перенесенных испытаниях. Рассказать, как Кизляк держал их с братьями в качестве подопытных кроликов. Вот только…

Вит вздохнул. Наверное, он подождет с рассказом до окончания встречи с нефтяниками, назначенной на вечер. Пусть брат пока порадуется, побудет немного счастливым, не обремененным ужасным прошлым. Была бы возможность, Вит оставил бы все как есть навсегда и позволил бы брату забыть, но… В том-то и дело, что воспоминания когда-нибудь вернутся, только постепенно, не сразу, и принесут Вовку куда больше боли.

Еще четыре месяца назад Вит ненавидел Вовка за его неуклюжесть и несобранность, вечную скованность членов и медлительность в принятии решений, от быстроты и правильности которых порой зависели результаты охоты или бегства от рейдеров и нефтяников, зависели их жизни. Вовк очень часто подводил отца с Витом. Но только этим летом, когда отца не стало, Вит узнал, наконец, почему Вовк такой неуклюжий. Нечто, проявившееся в мальчике восемь лет назад, когда ужасный Кизляк мог расправиться с братьями, помогло сбежать и одновременно лишило Вовка концентрации.

Только мальчик был не виноват! Он, можно сказать, принес свой разум в жертву, чтобы у последних из двадцати пяти братьев был шанс сбежать и забыть

страшные дни в Переславле-Залесском. И именно благодаря воле Вовка у сбежавших детей все это время был отец.

Виктор Соколов – охранник и помощник Кизляка – забыл, кто он есть, и восемь лет воспитывал детей как своих, пока мстительный зверь не убил его. А потом Вит вспомнил, как Вовк вытащил его из Переславля-Залесского, а Вовк тоже вспомнил, но тут же, когда чистил разум Черномора, снова забыл. И так несколько раз! Только Вовк воспользуется своим мозгом – заставит кого-нибудь из охотников или рыбаков что-нибудь забыть, или почувствует приближение опасного зверя, или освободит дорогу от преградившего путь ствола дерева, или, вот как вчера, узнает то, что случилось в сотнях, а, может, тысячах километрах от места их нахождения, – и все… Время, проведенное в обители Кизляка, как и умершие там двадцать три брата, как и пытки и мучения, выветриваются из головы мальчика.

Там словно сидит маленький человечек и при любых умственных нагрузках ребенка начинает мести метлой, подметая всегда именно ту область памяти, которая отвечает за детство Вовка до пятилетнего возраста. Будто опускается некая чугунная заслонка, и тогда для мальчика оказываются вновь живыми придуманная когда-то давно мать и умерший четыре месяца назад отец. Вовк вновь превращается в счастливого чудака, который своей нелепостью затмевает сам себя. Он уже не способен различать реальность и вымысел и будто возвращается в то далекое детство, когда мальчикам все еще было по пять лет и они могли днями напролет только играть и веселиться.

Вит, как обычно, злился, но теперь, после откровения в темном туннеле, когда он вспомнил часть прошлой жизни, мальчик уже не мог ненавидеть брата. Вовк пожертвовал гораздо большим для Вита, чем просто жизнью. Не каждый взрослый решился бы лишиться памяти только для того, чтобы спасти одного из двадцати пяти. Теперь Вит жалел Вовка и старался обходиться с ним как можно более мягко, но не всегда получалось, к тому же он понял, что своими рассказами о прошлом, которое теперь урывками являлось во снах, он быстрее приводит разум брата в нормальное состояние. Поэтому, едва заметив неестественное поведение Вовка, Вит начинал рассказывать ему о прошедших днях. И брат вспоминал и преображался, и жизнь катилась вперед по накатанной колее без особых опасностей на пути и подводных камней, описание которых содержалось в Списке Смерти.

Там же теперь появилась и запись-предупреждение: «Чтобы не умереть, как отец, всегда изучай, на кого охотишься, и следи за всеми подходами, вдруг смерть зайдет с черного хода?»

Вит нахмурился. Воспоминание об отце разрывало душу, но ведь он сам учил детей меньше вспоминать об умерших. Они – лишь пример того, как нельзя делать, если хочешь выжить. Ни больше, ни меньше. Любой человек на пути, любые действия по отношению к нему или окружающему миру должны продлить в первую очередь твою жизнь, а об остальных принято думать, как о героях учебника истории. Спасибо им. Спасибо, что умерли вместо тебя, позволив пожить подольше. И хоть отец не был родным, что раскрылось четыре месяца назад благодаря Вовку, он заботился о мальчиках восемь лет и учил их всему, что знал или узнавал от окружающих. И именно благодаря ему братья спокойно жили в мире, где охотники могли устроить смертельную охоту на продавцов оружия.

Лишь время «Ледового перемирия» было способно сплотить множество семей охотников и рыбаков и заставить их на полгода прекратить вражду, объединиться и на короткое время создать нечто, похожее на общину. И это время подошло. Сегодня Вит с Вовком встретятся с нефтяниками, и можно спокойно ехать в Рыбинск – присоединяться к сотням похожих семей кочевников, чтобы с ними перезимовать и разъехаться к лету по своим делам.

О возможности найти новую семью и разделиться с Вовком парень уже не думал. Теперь мальчик не мог оставить брата, не мог допустить, чтобы кто-то, незнакомый с его судьбой, взял контроль над Вовком, когда-то вызволившим из лап смерти и Кизляка Вита. Его же никто не поймет! В столь суровых условиях выживания и борьбы за место под яростным солнцем никто не будет разбираться в причинах странностей Вовка. В лучшем случае его убьют, в худшем – его ждет жалость и миска рядом с трехногой собакой, все еще значимой для хозяев, но уже не способной выполнять свои собачьи обязанности. Поэтому Вит не допускал мысли о разделении. Ведь витающий меж прошлым и настоящим мальчик не мог за себя постоять, не до конца осознавал, что реально, а что – нет.

Снаружи горько заплакала корова, словно девушка по только что умершему жениху. Так она выражала удовольствие от приема пищи. Значит, сейчас Вовк зайдет в кунг и вновь начнет канючить помывку. Как бы Виту ни хотелось продлить пятнадцатиминутную утреннюю негу, дольше валяться нельзя. Мир

диктовал свои условия.

Мальчик вылез из постели и потер бляху ремня, лежащего на полочке, – это было все, что осталось от отца. Вит каждый день гладил блестящий металл с изображением звезды и благодарил папу за то, что научил жить, и за Список Смерти, который обязал выучить. Теперь многих вещей удастся избежать, просто следуя этому списку, а остальных опасностей ему поможет избежать Вовк. Так и будет дальше. Он оградит Вовка от всего людского и злого, а тот, взамен, Вита – от всего противоестественного и неожиданного.

Буржуйка источала жар, успевший разойтись по всему кунгу. Даже внизу воздух успел прогреться. В принципе, уже можно было искупаться и отчаливать. За день нужно много успеть сделать. После купания навестить схрон, погрузить в кунг мясо и шкуры и ехать в условленное место для встречи с нефтяниками из Ярославля, чтобы обменять товар на горючее. Пары бочек вязкого мазута должно хватить на зиму, если она, конечно, не растянется на два года. А потом вернуться, загрузиться мясом и шкурами заново и ехать на зимовку в Рыбинск, чтобы завтра утром уже объединиться с рыбаками и охотниками на Рыбинском водохранилище.

Внизу, напротив печки, с противоположной стороны от двери зашуршало. Вит прислушался и улыбнулся. Проснулся Каин – домашний паук. Каин – так назвал его отец – уже два года жил в кунге и был любимым питомцем мальчиков. Вит постучал по полке ниже той, где находился отцовский ремень: «Тук! Тук-тук! Тук!» По углам кунга зашуршало.

Каин приближался, используя собственные тропы. Через несколько секунд на полке, по которой постучал мальчик, возник крупный, в две ладони Вита, мохнатый паук. Он сделал стойку на задних лапах, а четырьмя передними приветствовал мальчика. В его многочисленных глазах отражался свет, а черно-золотистая шерсть с ярким алым крестом на спине топорщилась в предвкушении, что мальчик погладит. Хелицеры[7 - Хелицеры, или челюсти, – ротовые придатки паукообразных и некоторых других членистоногих, по наличию которых эта группа получила название хелицеровых. Обычно состоят из двух или трех члеников и имеют вид клешней.] же хищно раскрылись – маленькое чудовище знало, что Вит обязательно накормит его. И мальчик не заставил себя ждать. Он протянул пауку небольшую полоску сухого мяса и, пока тот перебирал еду хелицерами, протянул руку и несколько раз погладил по спине, отчего Каин жутко заскрипел хитином, выражая удовольствие.

Скрипнула входная дверь, впуская Вовка. В проеме мелькнула кирпичная стена церкви Спаса Всемилостивого в селе Спасс, неподалеку от Рыбинска. Отец выбрал это место для маскировки кунга на временных стоянках, а корова своим демоническим подвыванием сделала окрестности необитаемыми в радиусе почти пяти километров. Развалины церкви и потусторонний хохот и плач коровы угнетающе действовали на местную живность и привили всем тварям инстинктивное желание бежать и прятаться при виде святых руин. А братья спокойно заводили кунг между стен из красного кирпича. Рухнувшая крыша церкви имела одно неоспоримое преимущество перед крышами других зданий: она уже больше никогда не рухнет. Да и у посторонних желание соваться в опасное здание отпадало начисто. А вот кунг себя отлично чувствовал меж стен из красного кирпича с пустыми оконными проемами.

Корова лиловым глазом покосилась назад, на скрывающегося в двери Вовка. Ее лицевые щупальца зашевелились, а из-под них раздался до ужаса печальный вздох.

Каин оторвался от еды и одному ему известным маршрутом метнулся к двери – поприветствовать второго мальчика. Вовк же, вместо того чтобы погладить питомца, стряхнул на него целый сугроб снега, отчего Каин, смешно и недовольно подпрыгивая, ретировался на свое место на полке.

– Все! Покормил! – возвестил радостно Вовк. – Ты слышал ее довольное урчание?

– Конечно! – кивнул Вит. – Ее довольное урчание, как всегда, пол-Спасса слышало. Это же здорово!

– Ага. Отец пришел? – вдруг спросил Вовк, спрятав улыбку. Он стал серьезным в один миг, будто все утро от мальчика скрывали, куда же делись родители. – А Ма когда придет?

– Э-э-э… – Вит чуть не ляпнул сгоряча, что отца, а тем более матери, вместе с ними давно уже нет. Но вовремя прикусил язык. – Скоро будут, Вовк! Скоро будут! – и сразу сменил тему. – Ты готов искупаться?

– Всегда готов! – закивал брат, и его словно подменили. В глазах загорелся задорный огонек, радостная улыбка осветила порозовевшее после улицы лицо.

– Тогда скидывай шмотки! – воскликнул Вит. Каин жевал в сторонке сухое мясо и с огромным неодобрением смотрел на ребят. Он совершенно не понимал, зачем они так внезапно начали скидывать с себя шкуры. Почему вдруг голыми выбежали на улицу, туда, где сверкающий пушистый снег кусался и жалил? А тринадцатилетние мальчишки под удивленным взглядом выпученных фиолетовых глаз коровы минут десять голышом ныряли в нанесенный у одной из стен сугроб. Они подставляли тела летящему снегу, набирали его полные ладони и кидали на себя, растирались и орали так, словно за ними бежал сам дьявол. Даже корова, наблюдающая за этим безобразием, слегка ошалела. Потом Вит и Вовк быстро забежали в теплый кунг, обмотались сухими волчьими шкурами и как минимум час согревались. Довольные и чистые, счастливые от того, что они есть друг у друга.

Пока Вовк опять не спросил:

– А Па с Ма когда будут?

* * *

Вит сидел на лавочке-жердочке, прибитой еще отцом под крышей кунга. Он смотрел в узкое окошко и управлял коровой с помощью вожжей, пропущенных через маленькие отверстия в корпусе.

Вообще, Зорька была удивительным созданием. Выше обычной коровы раза в полтора-два, отсюда и силища: спокойно тянула кунг по полуметровым сугробам и бездорожью. Вместо рогов и вокруг рта дрягались щупальца, как у осьминога. Шерсти нет, а под абсолютно лысой кожей – прослойка жира толще талии Вита, поэтому животное не чувствовало и холода. А что самое удивительное и необъяснимое – все твари ее боялись. Вернее, ее криков. Отец говорил, что голосовой аппарат Зорьки устроен по типу сонара. Связки создают ультразвук такой частоты, что животные не переносят ее крика. Для Соколовых Зорька была незаменимым животным. Если остальные кочевники старались укрепить свои повозки и вешали на них сотни килограммов железа, то мальчики прекрасно обходились старым армейским кунгом, ведь Зорька отпугивала любых тварей.

Они пересекли Волгу, ведь через посредника Семку место встречи назначили в Ермаково. Вроде и не в Рыбинске, но территория все равно принадлежала

кочевникам, что несколько снижало градус озабоченности нефтяников всем чужим. Так далеко от Ярославля они старались вести себя смирно. Торговать по-настоящему, а не грабить и убивать. Хотя и такое тоже случалось, но очень редко. И убийцы объявлялись кочевниками вне закона, и, даже если не выдавались нефтяниками сразу, то носа не могли высунуть из своего укрепленного вокзала. Тем не менее соблазн присвоить чужое был все еще велик, поэтому с нефтяниками надо было держать ухо востро. Поговаривали, что где-то далеко к северу они ведут захватнические набеги на действующие нефтяные вышки. Вот только Вит не был в этом уверен. Чего не расскажут взрослые, чтобы дети не ходили на чужую территорию?

Кунг остановился около правого, крутого берега. Вит спустился с насеста и позвал Вовка, который увлеченно играл с Каином. Что-то бросал в него, а паук азартно отпрыгивал. Вовк протянул руку, Каин вскарабкался по рукаву и скользнул в капюшон. Мальчики натянули мохнатые теплые шапки из шкур волка, надели горнолыжные очки, накинули на головы капюшоны и вышли в метущую за стенами дома вьюгу. Она как раз была на руку: заметет следы, и возможным неприятелям трудно будет отыскать и мальчишек, и их схрон.

Кто-то очень умный решил до войны, что если построить избушку, похожую на конуру большой собаки, никто не поймет, что это вход в бункер или в обширный погреб. А уж если вход будет находиться прямо в береговых кустах, то его вообще никто не заметит. Отец потом долго хвалил этого незнакомца, который в свой мини-бункер запрятаться так и не успел, зато его укрепленное подземное помещение очень пригодилось Соколовым. Они хранили там все добытое во время охоты. Шкуры разных тварей, их мясо, травы для лечения и приправы. Бывало, сносили туда и найденные вещи. Огнестрельное и холодное оружие, лопаты, тяпки, топоры, молотки, пилы и другой нужный скарб, который возить с собой было накладно.

Мальчики откинули маскирующую деревянную дверь в сторону, за ней оказалась металлическая. Что-то внутри задребезжало, а корова заметно заволновалась.

– Неужели все? – спросил Вит, улыбнувшись и повернувшись к брату. Тот пожал плечами, словно пытаясь вспомнить, о чем с ним говорят.

– Открывай, – только и сказал он.

Вит достал из кармана специальный длинный ключ и воткнул в маленькое узкое отверстие. Бороздки на ключе привели механизм внутри в действие, и мальчикам осталось только потянуть дверь на себя. Но им помогли. Кто-то внутри так стремился на свободу, что оттолкнул дверь вместе с мальчишками. Завалившись в снег, Соколовы глядели, как вокруг них прыгают маленькие телята. Чуть больше паука, который выглянул из капюшона Вовка и вместе с пацанами наблюдал за восемью голыми малышами, потрясавшими крохотными щупальцами и пытавшимися изобразить мамкин сатанинский плач. Восемь пар фиолетовых глаз вытянулись на ниточках и уставились на пришельцев.

– Они вылупились! – радостно вскричал Вит и подбросил вверх пушистый снег. Вовк тоже радостно заорал и стал бросаться снегом. Розовые телята, больше похожие на маленьких поросят, запрыгали еще выше. Лишь Каин не оценил веселья и спрятался в капюшон.

Радость первой встречи прервала корова, печально засмеявшись. Телята, как один, синхронно повернулись к матери и тут же запрыгали в ее сторону. Приблизившись, они подпрыгивали и присасывались щупальцами к животу. Видимо, так кормились. Теперь на животе коровы болтались восемь ее деток.

– Фух! – выдохнул Вит, подкидывая в воздух еще снега. – А мы думали, что не вылупятся, когда относили яйца в погреб. А ты гляди ж!

– Ура? – спросил Вовк. Он пока не помнил этого момента. И не помнил, от кого корова могла забеременеть и понести, впрочем, не знал никто. Видимо, любвеобильный сородич приходил по ночам, когда Зорька паслась в окрестностях.

– Да! Ура! Оказывается, им надо пять месяцев, чтобы созреть. Прав был отец, и вот… – Вит посмотрел на брата, понял, что тот все равно ничего не помнит, и махнул рукой. – А! Давай мясо со шкурами таскать! Нас уже ждут!

И мальчики спустились вниз, чтобы достать товар и погрузить в кунг. Телята отцепляться не хотели, так и висели розовыми сосками на животе у коровы – видимо, поедут с ней. Когда закончили, Вит отдал Зорьке в щупальца еще пару кусков мяса на всякий случай: вдруг ей это необходимо, чтобы прокормить детей? Потом огляделся.

Снежная буря и не собиралась стихать, что было на руку мальчикам. Если что пойдет не так, смогут затеряться среди невысоких домов Ермаково.

Несмотря на прибавку в весе из-за восьми присосавшихся отпрысков, Зорька с легкостью втянула кунг в горку, и дом ребят поехал по занесенным снегом улочкам Ермаково. Через узкое обзорное окно Вит пытался отыскать центральную улицу, на которой, по заверению посредника Семки, их уже должны были ожидать торговцы самой опасной банды на ближайшие несколько сот километров. Около тридцати минут мальчики петляли по стертым пургой улочкам, прежде чем выехали на нужную – самую широкую и прямую, – а потом еще раздумывали, в какую сторону повернуть?

Вит нервничал: обычно переговорами и торговлей занимался отец. Теперь же его не было. Кому-то придется занять его место, а Вовку лучше не соваться в такие дела. Он обязательно забудет, о чем говорить. Поэтому Вит даже не поднимал этот вопрос. Он будет заниматься всем сам, а если что пойдет не так, то, может, Вовк вспомнит о своих необычайных способностях в непредвиденной ситуации и обеспечит их безопасность. Хотя, если учесть умение братьев пользоваться разного рода дубинами, арматурой и другим рукотворным оружием, то они вполне справятся со взрослыми и без привлечения способностей Вовка.

Узкие, заросшие непроходимым кустарником улочки Ермаково внезапно закончились, кунг выполз на шоссе, огибающее поселок по широкой дуге, под звучным названием «78К-0001». На самом деле трасса имела в народе название «Рыбинск – Ярославль» или «Ярославский тракт». Где-то здесь мальчишек дожидались нефтяники. После недолгих раздумий Вит повернул кунг в сторону Ярославля, ведь Ермаково было почти пригородом Рыбинска, а значит, это территория охотников. Нефтяники, скорее всего, предпочтут остановиться поближе к Ярославлю. И в этом мальчик не ошибся.

Едва заброшенные постройки Ермаково исчезли позади, как впереди сквозь снежную пелену проступили очертания автомобиля, преградившего дорогу. Он бы выглядел покинутым, если бы не темная фигура человека, двигавшаяся внутри и державшая какой-то грозный с виду предмет. Вит чуть позже опознал в нем станковый пулемет «Корд».

Мальчик потянул за поводья, и Зорька остановилась в пяти метрах от машины нефтяников. Если бы встреча не была запланирована, Вит ни за что не подъехал

бы и на расстояние видимости, тем более грозное оружие наверху могло разнести в клочья не только мальчиков и корову, но и кунг. Однажды Виту удалось увидеть, как работает подобное оружие: рыбаки на водохранилище чего-то не поделили между собой. Мальчик с удивлением и ужасом наблюдал, как толстенное железо рыболовецких баркасов рвется под натиском невероятной силы пуль, которые изрыгает «Корд», установленный на другом судне. Потом отец водил их внутрь, и Вит поразился. Через большие дыры суденышко почти тут же наполнилось водой, а разорванные в клочья трупы людей, плавающие в покрасневшей от крови воде, снились потом мальчику еще несколько недель.

Братья вышли из кунга и на небольшом удалении от автомобиля нефтяников стали ждать. Сквозь заснеженные стекла «Тойоты» можно было различить две фигуры, которые жестикулировали руками, о чем-то споря, третья же все так же находилась в кузове и направляла грозный «Корд» на мальчишек. Наконец, двери «Тойоты» распахнулись, и к детям вышли два мужика, закутанных в теплые одежды. Их лица были замотаны мохнатыми плащами, а глаза скрывались, как и у мальчиков, за разноцветными стеклами горнолыжных очков. Оба держали наперевес автоматы Калашникова. Вит некоторое время косился на оружие, нервно сжимая свою нашпигованную гвоздями «двухсоткой» биту, а потом рассудил, что если бы была опасность со стороны нефтяников, то оружие бы они направили на мальчиков.

Мужчина, остановившийся ближе всех, видимо, старший, некоторое время стоял молча, рассматривая укутанных в одежды из шкур пацанов, а затем присел перед Витом и снял очки, несмотря на назойливый, старающийся залепить любую щель снег. Мальчик нервно сглотнул, так сильно поразили его глаза незнакомца. Светло-серые, полупрозрачные, словно две льдинки, они сверлили насквозь и, казалось, заглядывали сквозь очки прямо в душу. Кривой нос, кажется, сломали несколько раз. Незнакомец опустил шарф и осклабился тонкими, перерезанными надвое шрамом губами. Мальчика передернуло, но он надеялся, что под теплыми одеждами это было незаметно. Не годилось показывать нефтяникам свою неприязнь в ожидании обоюдовыгодной сделки.

– Я хочу перетереть кое-какие детали с Виктором, – продолжая улыбаться, вкрадчиво известил незнакомец. Немигающий взгляд буравил мальчика, сверлил и, казалось, уже копался в голове.

– Он приболел, – незамедлительно замотал головой Вит. Взгляд незнакомца метнулся к Вовку, который, видно, открыл рот, чтобы что-то сказать, но под холодным взглядом мужчины передумал. Тот вновь перевел глаза-льдинки на Вита, признавая в нем главного.

– Мне нужен Виктор. С малявками обсуждать дела не буду…

– Либо ты обсуждаешь дела с нами, – грозно прикрикнул Вит, подняв к лицу нефтяника нашпигованную гвоздями биту, но тот даже не шелохнулся, – либо сделки не будет! Отец сейчас не в том состоянии, чтобы болтать с незнакомыми типами! Тебя ведь мы первый раз видим и совсем-совсем не знаем.

– А! – тот улыбнулся еще шире, одним пальцем отводя от лица биту. – Забыл представиться! Константин Семенович Спасский. Можно просто Спасс! Я – правая рука атамана. Почти… Решил вот прокатиться по окрестностям и оглядеться, вникнуть в дела подчиненных… Так что? Отец выйдет? Или как?

– Или как, – совсем не дружественно буркнул Вит. Он почему-то не хотел сообщать этому мужику, что отец погиб. Во-первых, это их не касается, а во-вторых, слишком лакомым кусочком окажутся беззащитные дети. А в бескорыстность взрослых, и тем более нефтяников, Вит не верил. Неизвестно, как они поведут себя, узнав о смерти Виктора. – Зови меня Вит. Сегодня все дела буду вести с тобой я. Отец серьезно приболел и лучше посидит в доме и присмотрит, если что, за вами.

Спасс еще несколько мгновений сидел с каменным лицом, осматривая кунг и Зорьку, а потом вдруг улыбнулся более мягкой улыбкой – Вит не сомневался, что у «почти» правой руки босса нефтяников улыбки были отработаны на любой случай.

– Эх, ладно! – махнул рукой мужчина. – Хотел лично познакомиться с основным поставщиком шкур и деликатесного мяса ко столу атамана, но… Тогда в другой раз. В другой раз… Надеюсь, отсутствие старшего не повлияет на условия сделки?

– Нет! – твердо ответил Вит. – Все как договаривались. Вам двести килограммов вяленого мяса и столько же шкур, нам – две бочки мазута. Все верно?

– Верно-верно, – закивал головой Спасский. – И очень приятно работать с таким просвещенным молодым человеком! Может, когда-нибудь ты захочешь поработать у нас?

– У вас? – переспросил Вит. В это время Вовк начал вытаскивать из кунга куски мяса и шкуры и переносить их в кузов «Тойоты», а свободный мужик в это время скатывал из кузова бочки и перекатывал ближе к фургону, опасливо косясь на Зорьку.

– Ну да, – пожал плечами Спасс. – У нас в Ярославле. Я давно мечтаю об объединении людей. Беспризорников, кочевников, рыбаков, остальных общин – под общей крышей.

– И почему именно под вашей? – скептически переспросил Вит. Ему все еще не нравился этот мужчина с холодными, немигающими глазами.

– У нас ресурсы, – Константин поднял руку и указал на бочку с мазутом. – Вокруг ресурсов проще объединить людей.

– И связать их этими ресурсами по рукам и ногам?

– А ты умный мальчик… – протянул Спасс, прищурившись.

– Я свободный мальчик, – отчеканил Вит. – И делаю, что хочу! А стану нефтяником, и мне придется делать, что хочет атаман! Не так ли?

– Ну… это, конечно, так… но…

– Это так без но! – возразил мальчик. – Тут свобода, а там ее не будет.

– Зато там безопасность, – развел руками мужчина. – Чем больше людей вместе, тем безопасней каждому по отдельности. Плюс топливо! Плюс…

– Когда нам нужна безопасность, мы объединяемся, – возразил Вит. – Кочевники и рыбаки вместе – отсюда и до западных берегов Рыбы. А когда не нужна – разъезжаемся, так как нет ничего хорошего в большой общине. Только зависть, злость и желчь разъедают людей годами… Вон города – стоят пустые. Не

ужились люди вместе! Погибли!

– Нет, если царит железная дисциплина, то проще управлять! – возразил Константин.

– Я не хочу, чтобы мной управляли, – сказал Вит. – И моим братом – тоже.

– Что ж. – Константин пожал плечами, надел очки и поднялся, потом ткнул указательным пальцем в Вита. – Вспомни о моем предложении, когда совсем худо станет. Когда животные расплодятся и станут опаснее людей, придется решать, с кем вы… Не определитесь и окажетесь… – Спасский на мгновение прервался, подбирая слово, потом махнул рукой в сторону Ермаково. – Окажетесь там же, где и все остальные. На свалке истории. А этими местами станут заправлять звери. В общем, догружайте, я очень доволен сделкой, и подумайте над предложением присоединиться к ведущей общине этих краев. Подумайте!

Константин развернулся и хотел было отойти к «Тойоте», но Вит остановил мужчину. Остался последний вопрос, требующий ответа, а нефтяники как раз вовремя подвернулись под руку. Кто, если не они, знали ответ?

– Стой! – крикнул мальчик и сделал пару шагов навстречу развернувшемуся Спассу. – Ответь на один вопрос! Ответишь?

Спасс лишь сделал руками неопределенный жест – мол, спрашивай.

– Я слышал, Черномор умер. Это правда?

Спасский застыл на целую минуту, и вместе с ним, казалось, застыл и ветер, швыряющий в людей снег. Буран словно остановился, споткнулся о слова мальчика, воздух наэлектризовался, а Вит приподнял биту, почувствовав, как в Константине поднимается гнев.

– Откуда ты его знаешь? – не то прошептал, не то прошипел «правая рука атамана», наклоняя лицо к мальчику. В разноцветных очках Константина Вит отразился в полный рост.

– Откуда, щенок, ты знаешь об этом? – голос Спасса дрогнул, перешел в злобное рычание, словно из мужчины готов был выпрыгнуть зверь. Константин хотел схватить Вита за плечо, но мальчик отбил руку дубинкой и крикнул:

– Отвали, урод! – Он отпрянул назад и хотел отбежать от опасного взрослого, но тот уже сделал знак, и его бойцы присоединились ко всеобщей неразберихе.

Мужчина, помогавший перетащить и погрузить в кунг бочки с мазутом, стоял рядом с Вовком и успел сцапать его за шкирку. Константин поднял вверх автомат и выстрелил, а боец на «Тойоте» резко развернул «Корд», и снежные фонтанчики от страшных пуль прошли в считаных сантиметрах от ног Вита. Демонически захихикала испуганная Зорька, отчего малыши-присоски затряслись на животе. Вовк жалобно и испуганно завыл, а Вит застыл, боясь пошевелиться и спровоцировать пулеметчика на еще одну очередь.

Спасский опустил автомат, подошел к Виту и грозно навис над ним.

– И откуда вы, ушлепки, знаете о смерти Черномора? Откуда вы его вообще знаете? – вновь зарычал мужик. Он поднял руку и положил ее на плечо мальчика, крепко сжав. От боли из глаз Вита брызнули слезы, но он не позволил ни одному жалобному звуку сорваться с губ. Это был бы признак слабости.

– Видели однажды… – пролепетал Соколов.

– А может… – Спасс еще сильнее сжал ладонь, и Виту показалось, что кости где-то в плече очень правдоподобно затрещали. – А может, вы участвовали в его убийстве, а? Вместе с теми ушлепками из Переславля-Залесского, что устроили восстание, а? А как еще объяснить, что вы знаете то, что произошло три дня назад? А?!

– Слышали… – попытался объяснить Вит, но сам понимал, как нелепо звучат его слова. – Нам сказали!

– Чушь! – рявкнул Константин. – Ты меня за идиота держишь?

– Нет, дяденька! Нет же!

– А ну-ка, зови отца! – вновь рявкнул Спасский. – Я хочу видеть вашего отца, щенок! Зови!

– Он болеет!

– Я так и знал! – самодовольно кивнул Константин. – Нет никакого отца! А вы – сбежавшие беспризорники!

– Нет! – крикнул Вит. – Нет! Это не так! Мы ниоткуда не сбегали! Откуда тогда все эти запасы? – мальчик был в отчаянии. Вовк сидел на коленях, опустив голову и раскачиваясь, а Спасский требовал показать отца, которого убили три месяца назад звери. И когда отца не окажется в кунге, выяснится, что мальчики врут. Получится, что либо они и правда сбежавшие убийцы Черномора, либо без взрослого их можно просто обмануть, пленить, даже убить, завладев имуществом.

В этом страшном мире, если рядом с ребенком нет взрослого, то никто не будет жалеть этого ребенка и сюсюкаться с ним. Выживет сильнейший, а это, к сожалению, не братья Соколовы. Вит уже тысячу раз успел пожалеть о неосмотрительном, глупом поступке, когда Спасс начал поднимать вверх автомат, направляя его парню в лицо.

– Я так и думал, ушлепок! – рявкнул мужчина и хотел уже вдавить спусковой крючок, но почему-то не сделал этого. Мальчик почти минуту ожидал, когда раздастся смертельная трель автомата или застучит убийственный «Корд», разрывая его на куски, но так и не дождался. Он поднял глаза и с удивлением понял, что нефтяники застыли. Да не просто застыли, а трепетали и сотрясались мелкой дрожью. Неведомая сила удерживала на месте трех здоровых мужиков!

Они внезапно и синхронно рухнули в снег, словно ватные куклы, и остались лежать неподвижно, бледные и дрожащие, с вытаращенными стеклянными глазами. Вит удивленно посмотрел на свою дубинку, но в случившемся не она была виновата. Мальчик знал причину внезапного обморока мужиков. Вовк поднялся с колен, сжимая кулаки. По его щекам текли слезы, а в глазах плескалась черная ярость. Ведь только очень сильно разозлившись, он мог свалить трех здоровых мужиков. И нефтяники сами были тому виной, разъярив Вовка на свою голову.

– Заберем мясо, шкуры и мазут, – сказал Вовк, хлюпая носом, – и уйдем. Бросим их, пусть помирают.

– Нельзя, – помотал головой Вит, вглядываясь в серьезные глаза брата. – Тогда нефтяники объявят нас в розыск и начнут охоту. Нас никто не сможет прикрыть. Всем важно хрупкое торговое перемирие.

– Но как узнают?

– Посредник, – пожал плечами Вит. – Который свел нас с нефтяниками.

– Что же делать?

– Заберем мазут, а мясо со шкурами оставим им, – уверенно сказал Вит. – И уедем. Они очухаются и вернутся к себе с товаром. Получится, что сделка состоялась. Они постыдятся рассказывать, что их уделали два пацана.

– Хорошая мысль! Пойдем уже? – попросил Вовк. – Мне хочется побыстрее уйти отсюда.

– Да, брат, – кивнул Вит. Он смотрел на близнеца с некой смесью жалости и благодарности. Брат определенно был странным, если не сказать – чуждым, но он спасал Вита уже в который раз. В самый ответственный момент Вовк вдруг понимал, какая опасность грозит братьям, и активизировал свои способности, коих у Вита не было совершенно. Тот немного завидовал брату, но понимал, что будь и он таким, то тоже забывал бы свою прошлую жизнь. Свое детство и братьев, убитых самым жестоким образом Кизляком в Переславле-Залесском восемь лет назад. Вит смирился, что у него нет каких-то необычных способностей и, таким образом, он тоже особенный в их с братом тандеме и помогает брату помнить, когда тот помогает Виту выжить. Получался обоюдовыгодный симбиоз, от которого и Вит и Вовк только выигрывали. – Сейчас закину остатки шкур им в кузов машины – и поедем.

Зорька лишь одобрительно и зло захохотала, когда мальчики погрузились в кунг и тронули поводья. Снег скроет их следы, да и нефтяники не дураки: в самое сердце чужих территорий не полезут. Правая рука атамана – Спасс – тоже вроде умный. Не попрет на рожон, когда сделка так или иначе завершилась. Скорее всего, он поедет домой, в Ярославль, где будет долгими зимними вечерами в

одиночестве размышлять, что это за мальчики и как они уложили в глубокий обморок трех здоровых мужиков?

Так, собственно, и случилось. Константин очухался от лютого холода, сковавшего члены. Еще немного, и он больше никогда бы проснулся. Мужчина поднялся, стряхнул с себя снег, растолкал бесчувственных подчиненных и приказал убираться восвояси. Благо, мясо и шкуры оказались в кузове. Мальчишки, может, и имели какую-то тайну, но оказались честными и условия сделки выполнили. Что ж, Спасс порычал-порычал в шарф, но вынужден был одобрительно ухмыльнуться. Эти шкеты точно могли позаботиться о себе. А вот вопрос, откуда они узнали о смерти Черномора, а значит, и о падении «Приюта забытых душ» – особой школы нефтяников закрытого типа для малолеток, – оставался открытым. Необходимо будет подумать об этом на досуге.

Глава 4. Кое-что странное

– Красиво! – восторженно протянул Руслан, вглядываясь сквозь лобовое стекло «Хаммера» в заснеженное поле. Только это было совсем не поле. Справа от Ярославского шоссе раскинулось озеро Неро (так указывала в километре позади табличка). За неделю обильных снегопадов и сезонных скачков температуры озеро успело покрыться льдом, после чего буря взломала его, а холод вновь остудил. И теперь оно представляло из себя поле ледяных торосов, торчащих, словно клыки неведомого зверя, в разные стороны из снега.

Дорога огибала Неро слева и чуть дальше плавно уходила в пустые промышленные постройки, а у озера уже лежала набережная с белой стеной и храмами, из которых торчали разнокалиберные купола. Тот самый Ростовский кремль, куда, по словам Луки, попал страшный снаряд и куда Сова с Русланом заезжать не собирались.

– Ага, красиво, – согласилась Софья, плавно поворачивая руль, чтобы объехать автомобильные заторы. От воспоминаний об этом жутком месте ничего, кроме мурашек на спине, не возникало. – Ты это… Руслан. Прости, что не хотела брать с собой.

Мальчишка повернул лицо к девушке и улыбнулся.

– Да не за что. Я знаю, что обуза, но… – Руслан замялся, улыбка его погасла, и Макаренко все поняла.

– Нет желания видеть место, где убили дорогого человека? – тихо продолжила за него она и положила руку на плечо ребенка. – И никак не можешь успокоиться? Терзает что-то внутри?

– Точно, – так же тихо сказал мальчик и отвернулся. Но Сова знала, что на его глазах сейчас блестят микроскопические бусинки, готовые вот-вот собраться воедино и пролиться. И Макаренко не стала замечать мальчишеской слабости.

– Так значит, это ты – один из зачинщиков маленького детского восстания против Черномора?

– Ну… да, – Руслан встрепенулся. Мысли мальчика потекли по иному руслу. Теперь он готов был рассказывать о своей сообразительности и о том, как подговорил детей на бунт, очень долго. Но что-то ему мешало.

– Ой, Сова, – обеспокоенно заговорил Руслан. – Давай я потом расскажу, как пытался перехитрить рыжего клоуна?

– Ну, конечно. – Девушка пожала плечами, продолжая следить за дорогой.

– А сейчас… я это… – Мальчик замялся, пытаясь найти слова, чтобы объяснить девушке масштаб вставшей перед ним в полный рост проблемы. – Вышел бы на улицу, в общем.

– Не-а, – Сова отрицательно покачала головой. – Ты слыхал Луку? Нам нельзя выходить из машины.

– В городе. Он сказал – «в городе». А сейчас еще не город. Ну, Сова! Ну, пожа-а-а-а-лу-у-уйста! Мне надо выйти…

– Да зачем? – нетерпеливо переспросила девушка. Посмотрела на пацана, и, увидев, как он залился краской, все поняла. – Черт! А здесь справить нужду нельзя? В бутылочку там?..

Мальчик посмотрел на Макаренко, как на дуру. Ну в самом деле! Она что? Не понимает? Она никогда не была маленькой?

– А! Ладно! – махнула рукой Сова и затормозила. – Все равно до города еще не доехали! В самом деле… Только, Руслан, ты там куда хочешь прячь свою гордость и достоинство, но чтобы я тебя видела!

– Что? – удивился мальчик и залился краской еще сильнее.

– Да не тебя и не твое «все это», а твою спину! Договорились?

Пацан кивнул, а Сова про себя уже сотню раз выругалась и пожалела, что не оставила Озимова в «Приюте». Теперь начнется – «хочу по-маленькому», «хочу по-большому», «хочу есть, пить, спать» (нужное подчеркнуть), «хочу туда, хочу сюда». Но девушка все же остановила «Хаммер» у съезда с Ярославского шоссе на Ленинскую улицу. В ста метрах справа раскинулось озеро Неро. Хмурый серый день обещал быть долгим и нудным, а еще – очень скучным. Ведь о чем могут говорить два почти незнакомых человека, да еще и таких разных? Сова – взрослая женщина, боец-одиночка – и маленький двенадцатилетний мальчик? Что у них может быть общего? Разве что желание мести.

Руслан довольно бодро выскочил из машины в метель. Десятиградусный мороз давал надежду, что Озимов завершит «свои дела» очень быстро и они, не задерживаясь, продолжат путешествие по самой короткой и прямой линии к долгожданной мести.

Сова украдкой поглядывала на темнеющую за окном фигуру мальчика, отошедшего от «Хаммера» на десяток метров. Молодец, не стал прятаться! Понятливый! А судя по тому, что рассказывал Прохоров, еще и невосприимчивый к психологическому воздействию. Ну, то есть, всякие там гипнозы, психотропные и разные манипуляции с сознанием не берут его, как, например, Софью. Она-то отключилась сразу и оказалась полностью во власти разума Черноморова! Она не смогла противиться ни секунды в отличие от маленького упрямого Руслана.

Странно одно. Сова с Михаилом нашли под холмом, на котором стоял Переславль-Залесский Горицкий монастырь, бункер. Много чего полезного там нашли, но, оказывается, когда-то было в нем и много ужасного. Прохоров, все еще помнивший кое-что о компьютерах, изучил ПК Кизляка и узнал, что старик

проводил в своей подземной лаборатории генетические исследования и ставил опыты, для чего выращивал, вернее, как выразился Михаил, «клонировал» мальчиков, а потом издевался над ними, экспериментировал, калечил и убивал в своих целях. И, судя по старым записям, были у него пациенты с очень интересными особенностями, включая телепатию, телекинез или, наоборот, невосприимчивость к психологическому воздействию. Примерно как у Руслана.

Только вот загвоздка. Если верить детям и самому Руслану, то он никогда раньше в «Приюте забытых душ» не был и ни Кизляка, ни Черноморова не знал, хотя откуда бы ему и знать рыжего – ведь опыты с клонами Кизляк проводил задолго до того, как взял Черноморова в напарники. Так что получается, либо особенность Руслана, как и все его воспоминания, приобретена естественным путем, либо, наоборот, кто-то заменил мальчику память.

За этими размышлениями Сова отвлеклась, а взгляд ее расфокусировался. Мальчик за окном расплылся темным пятном. И вдруг это пятно быстро задвигалось.

Макаренко тут же пришла в себя, но было поздно. Руслан удирал в сторону озера, а причину установить не удавалось, пока… что-то тяжелое не прыгнуло на «Хаммер» сверху. Тот заходил ходуном, а рык невидимого существа резанул по барабанным перепонкам, несмотря на хорошую звукоизоляцию забугорного автомобиля. Софья услышала металлический скрежет и поняла, что крыша прогибается под весом неведомого существа. Рука сама собой потянулась к оружию, благо полуавтомат «Кедр-Б» находился в бардачке. И тут взгляд привлекло движение снаружи.

Хори! Две взрослые особи размером с человека промчались мимо «Хаммера» прямиком за Русланом. Хорошо, что мальчик заметил их раньше и успел отбежать на приличное расстояние! У него была небольшая фора, но из-за скорости тварей она быстро сходила на нет. И Сова ничем не могла помочь. Ее саму подкарауливал третий хорь, удобно усевшийся на крыше автомобиля. А может, и другие звери ждали неподалеку, когда «человечишко» вылезет из желтой консервной банки… Выйти из «Хаммера» означало подставить себя под удар.

Макаренко, злясь на себя – за то, что разрешила мальчику выйти, на Луку, который обещал помощь, и на Руслана, который бесстыже навязался на ее голову, завела автомобиль и вдавила педаль газа в пол, наблюдая, как парень

повернул вдоль берега в сторону Ростовского кремля. Если мальчику повезет, то он выживет. «Хаммер» съехал с Ярославского шоссе на Ленинскую улицу и припустил вдоль набережной.

Руслан заметил движение позади «Хаммера», когда обернулся. Только вот голова у ребенка соображала на редкость ясно. К автомобилю он не успеет, и черные звери прихлопнут его у дверей «Хаммера». Бежать! Только бежать и не тратить ни секунды! Хоть Руслан и понимал, что шансов у него ноль, ноги сами несли его по максимально удаленной от тварей траектории, и мальчик успел покрыть стометровку по заснеженному и поросшему кустарником берегу, прежде чем хори среагировали и бросились следом. А Руслан уже перепрыгивал ледяные торосы.

Холодный ветер метал в лицо жгучие льдинки-снежинки, ноги, обутые в старые, стоптанные летние башмаки, норовили разъехаться в стороны, сердце металось в груди, пытаясь оттуда выскочить и поскакать впереди Руслана, а дыхания явно не хватало. Рот с силой забирал пылающий холодным огнем воздух, а обратно выпускал короткий хрип.

Озимов помчался по льду вдоль берега, ясно понимая, что Сова, если и будет его спасать, то только на «Хаммере» и только на берегу. Вот он визуально и определял по истерзанным бурей и торчащим изо льда торосам береговую линию и несся вдоль нее, но со льда не сбегал. Вертикально стоящие ледяные глыбы хоть как-то задерживали преследователей – две темные мохнатые туши, скакавшие за мальчиком; и догонявшим тварям явно было сложнее, чем маленькому ребенку. Из-за веса они то и дело неудачно поскальзывались и врезались в торосы. Дико орали от боли и ярости и с новой силой начинали погоню по заснеженному озеру Неро за двенадцатилетним Русланом.

Озимов же ничего не чувствовал. Ни страха, ни боли, ни усталости. Его ноги словно сами собой находили нужные места на льду, чтобы не поскользнуться. Руслан шнырял меж торосов и ни разу не ударился, в отличие от преследующих тварей. Но думать, с чем связана такая координация движений, было некогда. Сейчас мальчика волновала только белая стена и многочисленные купола храмов, возвышающиеся над ней. Где-то там его будет встречать Сова – сомнений не возникало, – поэтому до стены надо как-то добраться и выжить.

Глаза отметили вмерзшую по борта лодочку с небольшой палубной надстройкой, словно этот кораблик строили специально для маленького мальчика, да так и

оставили у берега неиспользуемым. И всего-то каких-то пятьдесят метров до него! И по пути…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. роман автора «Приют забытых душ». Бандиты во главе с Черноморовым (Черномором) разъезжали на красном фургоне по городам, искали выживших и забирали детей в Переславль-Залесский, в Горицкий монастырь, где подчиняли своей воле и делали из них бездумных убийц и солдат.

2

Кизляк – глава «Приюта забытых душ» из одноименного романа.

3

Черноморов – персонаж романа «Приют забытых душ». Владеет гипнозом и способен подчинять чужую волю своей.

4

См. роман автора «Приют забытых душ».

5

См. роман автора «Приют забытых душ».

6

См. роман автора «Приют забытых душ».

7

Хелицеры, или челюсти, – ротовые придатки паукообразных и некоторых других членистоногих, по наличию которых эта группа получила название хелицеровых. Обычно состоят из двух или трех члеников и имеют вид клешней.

Купить: https://tellnovel.com/ru/haritonov_yuriy/metro-2033-smert-oktanovyh-bogov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить